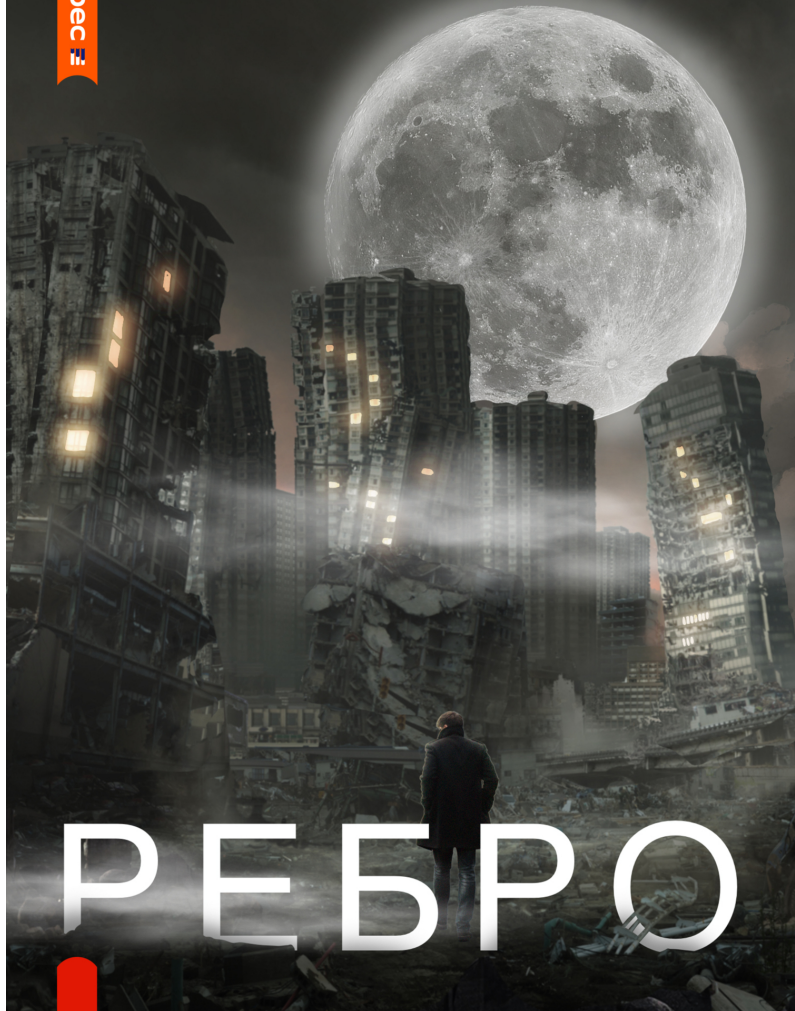

Литрес

Влада Ольховская

РЕБРО

Влада Ольховская

Ребро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68948889

Ребро:

Аннотация

Неделю назад жена Ника отправилась на встречу с отцом, которого не видела много лет, и не вернулась – а теперь Ника вызывают на опознание тела. Справиться с такой новостью непросто, ведь получается, что его Рэдж, молодая, красивая, здоровая, вдруг умерла безо всякой причины! Однако в морге ожидает еще более шокирующее открытие. Ника заверяют, что его жена – это искалеченная старуха, которую обнаружили на морском берегу, хотя Рэдж пропала в горах.

Естественно, Ник отказывается в это верить, он готов искать жену сам и непременно вернуть живой... Вот только может оказаться, что к правде он совсем не готов, потому что существуют знания, разрывающие реальность, переворачивающие мир и не оставляющие ни шанса на возврат к спокойному прошлому.

Влада Ольховская

Ребро

На железном столе передо мной лежала мертвая старуха, древняя, как кости динозавров. Мне сказали, что это моя жена.

Моей жене позавчера исполнилось двадцать девять лет.

Поверил ли я в это сразу? Нет, конечно. Хотя они, справедливости ради, сначала только сообщили, что моя жена нашлась. Так и сказали – «нашлась», и я думал, что она жива, а потом они уточнили... Дорогу сюда я помню смутно. Кажется, со мной кто-то был, кто-то меня провожал, кто-то, как заведенная игрушка, снова и снова спрашивал меня, в порядке ли я. Но все это теперь стало посторонним и неважным. Я готовился к тому, что неизбежно, или к чуду.

Почему-то оба варианта казались мне одинаково возможными. Есть ведь еще шанс, что это чья-то ошибка или даже розыгрыш. Чудовищно жестокий, но я переживу, и я прощу Рэдж за это, если все затеяла она. Лишь бы она была жива! Я прибуду туда, а она обнимет меня, хохоча, как обычно, живая и здоровая, и я даже не смогу на нее злиться... Я бы все отдал, чтобы история ее исчезновения завершилась именно так.

Но была и другая часть меня, жесткая, прагматичная и злая. Приученная к боли и разочарованиям. Эта часть шеп-

тала, что чудес не бывает, не для таких, как я, точно. Не положено, не выписали на нашу долю. Рэдж уехала пять дней назад, три дня назад она перестала выходить на связь. Она никогда бы не устроила такую шутку. Если она не отвечала на мои звонки и не пыталась связаться со мной сама, должно было произойти что-то... плохое. Очень плохое. Я пытался успокоить себя тем, что это, возможно, она наказывает меня – мы ведь поссорились перед ее отъездом. И все же в глубине души я знал, что она бы никогда так со мной не поступила.

Я кое-как подготовился к первому взгляду на свою мертвую жену – насколько к такому вообще можно подготовиться. Но ведь мне показали не ее! Ее именем назвали какую-то старую рухлядь, которую я видел впервые в жизни.

И вот тут я сорвался. Надо сказать, что обычно я такого не делаю. Опытным путем я давно уже выяснил, что крики и вопли мало кого приводят к желанной цели. Таких, как я, и вовсе почти никогда. Потому что, с одной стороны, я ограничен суровым «Ты ж мужик, чего орешь!», а с другой – «Все вы, инвалиды, избалованы вниманием, чуть что – сразу вопли!». Поэтому проблемы я предпочитал решать спокойно, тихо и упрямо – до того финала, который мне нужен.

Но я ведь тоже не робот. Киборг – да, а робот – нет. Мне было плохо без Рэдж, я чувствовал себя бесконечно виноватым за то, что отпустил ее одну... бросил ее, если называть вещи своими именами. У меня была вроде как веская причина для того, чтобы не ехать, но я-то знал, что это по боль-

шей части лень и нежелание поддержать дурацкую во всех смыслах авантюру жены.

Я был уверен, что угрозы нет. В первый день я говорил с ней и во второй тоже. Рэдж казалась уставшей, но не напуганной. Она позвала бы меня, если бы что-то пошло не так, ведь правда?..

Так почему же она не позвала?

Чувство вины и вопросы без ответов грызли меня изнутри день за днем. Прошло не так уж много времени, но мне и это за вечность сошло. А тут меня еще и придавили новостью о том, что она мертва. Чувство было такое, будто в теле не осталось ни одной целой кости, они раздробились в пыль, мышцы порвались, и все, что было мной, теперь просто кровавое пятно на земле.

Я приехал, чтобы встретиться лицом к лицу с величайшим горем своей жизни, и что я увидел? Они мне какую-то бабку подсунули! Какими идиотами нужно быть? Я же отсылал в полицию фотографию Рэдж, я четко указал ее возраст. В конце концов, они знали, что я ищу жену, а не бабулю! Кому пришло в голову, что я могу быть женат вот на этом ископаемом?

Нет, сначала я старался быть вежливым. Я пытался доказать этим дебилам, что старуха в морге никак не может быть моей женой, значит, настоящую Рэдж нужно было искать дальше. Так ведь они не слушали меня, они настаивали, что никакой ошибки нет, что вот эти руины действительно

моя двадцатидевятилетняя супруга.

Тогда я и сорвался. Я не рыдал – не мой стиль. Я вообще парень агрессивный, толку отрицать? Рэдж сумела подправить это, но не изменить. Поэтому, когда меня выбешивают какие-нибудь кретины, им, кретинам, лучше потом бежать по траншеям. Я даже не запомнил, что говорил им, но помнил, что орал. Кажется, кто-то от меня даже получил в морду. Сначала они пытались со мной сюсюкать, потому что у таких, как они, в башке четко заложено «инвалид = слабый». Но когда кто-то из их сотрудников пустил кровавые сопли, они стали действовать не в пример решительнее. И даже когда они прекратили осторожничать, скрутить меня получилось, только когда полиция приехала их спасать.

Я собой не горжусь, конечно, и все же... Сами виноваты. Я только о том и думал в момент драки. Виноваты не в том даже, что разрушили мои надежды и ожидания, а в том, что притормозили поиски настоящей Рэдж. Сейчас на счету каждый день... да что это я, каждый час! Возможно, она умирает и спасти ее реально только прямо в этот момент, который уже потерян из-за какой-то нелепой ошибки. Вот что меня убивало, питало мое отчаяние, заставляло вымещать боль на других. Объяснить это я тоже пытался, да только меня никто не слушал. Моя борьба за справедливость закончилась с уколом мощного успокоительного.

Как ни странно, очнулся я не в полиции и даже не в дурке, а в самой обычной больнице. Правда, к кровати меня привя-

зали и протез забрали, но на этом меры по спасению общества от меня закончились. Врачи косились на меня с опасением и подходить к кровати ближе чем на два метра не рисковали, вопросы выкрикивали чуть ли не из коридора. Это они зря: я вымотался и ничего уже не хотел.

Вот тогда ко мне и пришел следователь. Судя по синяку на скуле, в морге он тоже был и в драке поучаствовал. При этом беседовал он со мной все равно спокойно и... по-прежнему настаивал, что это она.

– Вы что тут, сговорились все, что ли? – поморщился я. – С чего вы взяли, что эта мумия – Рэдж? Во-первых, даже не похожа. Во-вторых, где вы нашли труп?

– На берегу моря.

– Ну вот! А Рэдж была далеко от моря, когда мы последний раз связывались, и ни к какому морю не собиралась.

– Мне тоже тяжело было поверить в это, – кивнул следователь. – Я видел и фото, и ваше заявление, поверьте, я со всем внимательно ознакомился. Я совершенно не понимаю, как такое могло произойти, и мне будет легче, если вы сможете мне разобраться. Но для начала вам придется поверить, что тело, показанное вам, действительно Регина Арсеньевна.

– С чего мне в это верить?

– Как минимум с того, что отпечатки пальцев совпадают. Ну а дальше, возможно, вы сумеете подтвердить, что это она, или опровергнуть это.

Сначала я несколько прифигел: какие еще отпечатки

пальцев, откуда у них такие сведения о Рэдж? А потом я вспомнил.

Рэдж всегда была доброй, гораздо добрее, чем я. И на эту доброту, прямо как мухи на мед, слетались какие-то придурковатые личности. Не могу сказать, что мне не нравились все ее подруги без исключения, но попадались среди них совсем уж нелепые экземпляры, вечно влезавшие в неприятности.

Вот и год назад одна ее якобы подруга (после того случая у меня возникло немало вопросов к женской дружбе) обвинила Рэдж и еще пару знакомых в краже денег из ее офиса. Ситуация была щекотливая: деньги пропали, все указывало на то, что сперла их сама пострадавшая, поскольку сейф не был вскрыт. Но она тупо твердила, что кто-то из приятельниц выкрал у нее из сумочки ключи и коварно воспользовался ее доверием.

Я тогда, помню, мгновенно взбесился и ощутил непреодолимое желание пустить одну дуру на удобрение. Но Рэдж сдержала мои садистские порывы, она, что называется, сотрудничала со следствием. Она добровольно предоставила отпечатки пальцев, чтобы доказать: не было ее в том кабинете. Все обвинения с нее сняли, одной подружкой стало меньше, история закончилась, а отпечатки в базе данных полиции остались.

И вот когда на берегу моря обнаружили труп неизвестной старухи без каких-либо документов, стали искать способ определить личность. Отпечатки пальцев задействовали без

особой надежды на успех и вдруг попали в яблочко. Неизвестная была в их базе данных и в базе пропавших без вести, я ж заставил полицию принять заявление о пропаже в тот вечер, когда Рэдж впервые не сняла трубку. Не думаю, что ее начали искать всерьез, но данные о ней уже были.

Короче, на бумаге вся эта версия складывалась, а в реальности – нет. Следователю казалось, что отпечатки не врут, и нужно разбираться, почему тело Рэдж выглядит так странно. Я же видел всему этому совсем другое объяснение:

– У вас в базе отпечатков косяк!

– Этого просто не может быть.

– Ну конечно! Везде базы данных слетают, а в полиции они пишутся слезами ангелов и потому безупречны! Да просто какой-то криворукий полудурок перепутал данные, имя Рэдж связали с чужими отпечатками пальцев, только и всего. Это была не она в морге!

– Вы даже не рассмотрели толком тело, Николай Анатольевич, – укоризненно заметил следователь.

– Мне, уж простите, не хотелось пристально разглядывать голую бабку, я вам с первого взгляда мог сказать, что это не Рэдж!

– Хорошо, тогда давайте просто проверим, к чему споры? Тесту ДНК вы поверите?

– Только если его будет проводить не тот осел, который накосячил с базой отпечатков, – буркнул я.

– Уверяю вас, у нас за это отвечают совершенно разные

ослы, – криво усмехнулся следователь. – Образец ДНК Регины Арсеньевны у вас есть?

– Найдется.

Затею я считал непередаваемо тупой, потому что привык доверять своим глазам. Но уже было понятно, что просто так полиция поиски Рэдж не возобновит. Значит, мне нужно было сжать зубы, не думать о потерянном времени и доказать всем, что они допустили ошибку.

Полиция, надо отдать им должное, с тестом поторопилась. Я-то знаю, что они эту бюрократическую возню на недели могут растянуть. Но тут прям оперативно сработали, и результат был готов уже на следующий день.

Этим результатом они меня снова приложили. Тест ДНК, беспристрастный, не видевший Рэдж и не знавший ее, подтвердил, что в морге действительно лежит она.

Но это же бред! Тут одно из двух... Или полиция затеяла какой-то немислимый заговор, чтобы похитители Рэдж остались безнаказанными, или... Или действительно произошло нечто необъяснимое. Легче было верить в заговор, да не получалось. Я вспыльчивый, а не параноик, я прекрасно знаю, что мы с Рэдж никогда не были достаточно важны для такого масштабного обмана.

Хотелось вопить, что тест – это тоже ошибка, нужно провести новый, и третий, и четвертый, пока эта дрянь наконец не покажет то, что мне нужно. Хотелось обвинять всех без исключения и снова ввязаться в драку, тупую и бессмыслен-

ную, но спасающую меня от разрушительных мыслей. Я не поддался. Я слишком много должен Рэдж, и даже если правда меня убьет, я обязан во всем разобраться.

– Мне нужно снова увидеть тело, – тихо сказал я.

Так я и оказался в морге во второй раз, так снова увидел на столе старуху, целомудренно прикрытую какой-то простыней. Я так понял, они готовы были на все, лишь бы я не разбушевался снова... Но дело ведь не в них и даже не во мне, дело в ней.

Теперь, когда я подошел к ней, когда заставил себя хорошенько ее рассмотреть, я был вынужден с ужасом признать, что это действительно Рэдж. По крайней мере, это может быть она. Когда мы последний раз виделись неделю назад, она была молодой и прекрасной, она даже на свои двадцать девять не выглядела. Но если отвлечься от возраста и сосредоточиться только на чертах лицах... Это могла бы быть она. Через много-много лет. Даже ее мать такой не стала! Ее мать умерла достаточно рано, так и не успев толком состариться. А старуха на столе выглядела как прабабка Рэдж!

Впрочем, она и на обычную старушку не тянула. Она была иссушенной временем, но далеко не дряхлой. Я осторожно, не касаясь тела, сдвинул в сторону ткань, чтобы получше разглядеть руки, и убедился, что на них сохранились хорошо развитые мышцы. Да, под морщинистой бледной кожей, да, не такие упругие, как бывает в юности. Но все равно указывающие на долгие изнурительные тренировки.

И ее лицо было лицом Рэдж, но будто скрытым под маской. Волосы, которые я привык видеть длинными, густыми и золотыми, стали белыми, как молоко, и были зачесаны назад. Она была такой бледной, будто не видела солнце много лет, а ведь Рэдж уезжала загорелой! Хотелось держаться за все эти отличия, да не получалось. Я видел все больше мелочей, доказывавших, что это она, не хуже, чем тест ДНК.

Вот этот шрам под коленом – результат неудачного падения с велосипеда два года назад. Вот тут пятно – след от выведенной татуировки. Этот шрамик у нее вообще с детства... А все остальные шрамы – нет. Разглядывая ее тело, я находил все новые следы заживших страшных ран, которых у Рэдж никогда не было. Может, все-таки не она?..

Нет, она. Финальным доказательством стала татуировка на внутренней стороне ее правого предплечья. Надпись «Навсегда», выполненная ажурной вязью, побледневшая за годы, но все равно узнаваемая. Ее татуировка! Не такая же, а именно ее: одна линия прорисована неверно, мастер ошиблась и долго извинялась, а Рэдж только смеялась, утверждая, что любит оригинальность и не любит шаблоны.

У меня тоже есть это слово, только на левой руке и не цветочками прописанное, а будто начертанное тенями. Мы эти татуировки сделали вскоре после свадьбы, идея была моя, но Рэдж от нее пришла в восторг и сама выбрала слово.

Так что это была она. Действительно она. Ошибся я, а не система.

Мир вдруг странно пошатнулся, стал каким-то слишком ярким и совершенно беззвучным, будто его весь набили невидимой ватой. Секунда – и вот я уже почему-то стою на коленях, судорожно сжимая край железного стола, а надо мной наклоняются следователь и даже медик, который по такому поводу перестал меня бояться. Надо же... значит, у мира проблем нет, это я чуть в обморок не грохнулся.

Такого со мной еще не бывало, по крайней мере в зрелости. Но ведь раньше я верил, что готов ко всему! Оказалось, что к такому – нет.

– Это все-таки она? – догадался следователь.

– Да...

– Вам лучше выйти.

– Нет, – возразил я, с трудом поднимаясь на ноги. – Я должен знать... Почему она так выглядит? Почему вдруг? Это что, болезнь? Есть ведь эта болезнь, которая старит людей... Как ее там...

– Прогерия, – подсказал следователь.

– Это не прогерия, – вмешался судмедэксперт. – При прогерии возникает иллюзия старения, хотя речь идет об иных изменениях в организме. Здесь же мы имеем дело с абсолютно естественным старением. К тому же развитие прогерии, каким бы внезапным оно ни было, тоже требует времени. Когда там пропала ваша супруга? Месяц назад?

– Неделю...

– Тем более – неделю! За неделю прогерия никак не раз-

вилась бы до такой стадии.

– И сколько... ей лет? – спросил я. Нельзя сказать, что я смирился с происходящим, куда там! Меня пока спасало чувство, что все это не по-настоящему, это мне только снится, и когда я проснусь, все снова будет нормально. А пока нужно как-то поддерживать разговор.

– От восьмидесяти до девяноста, – отозвался эксперт. – По состоянию тела я бы скорее предположил девяносто, но ее образ жизни мог вызвать преждевременный износ организма.

– Что вы можете знать о ее образе жизни?

– Я – ничего, а тело знает. Она вела активный образ жизни, занималась тяжелым физическим трудом, очень много двигалась. Организм ей достался крепкий, здоровье – отменное, с химией и радиацией она не взаимодействовала, так что этим ее состояние не объяснишь. Но она не раз была ранена... Видите этот шрам? Это, похоже, следы зубов, а вот это – очень сильного удара, такого, от которого кожа просто порвалась...

Следователь покосился на меня с нескрываемым подозрением, да и понятно почему. Когда жена в шрамах, винят в первую очередь мужа. Но подвох в том, что моя жена неделю назад покидала дом без шрамов!

– Это не я.

– Это не он, – неожиданно поддержал меня эксперт.

– Откуда такая уверенность? – удивился следователь.

– От возраста отталкиваюсь. Предположим, сейчас ей девяносто, а когда она пропала, не было и тридцати.

– Но она пропала неделю назад!

– С этим буду разбираться не я, – отрезал медик. – Я буду говорить только о том, что вижу на теле. А тело говорит, что муж жене шестьдесят лет не видел. Но все эти шрамы она получила намного меньше шестидесяти лет назад.

Вот и как такое воспринимать всерьез? Да никак! Если предположить, что за неделю Рэдж прожила шестьдесят лет, голова идет кругом. Мне проще было воспринимать все это как условия теоретической задачи, никак не связанной со мной.

Этот трюк не будет спасать меня вечно, но что я буду делать дальше – я пока не придумал.

Эксперт между тем совершенно забыл, что я муж погибшей, а тело перед нами когда-то было живым человеком. Перестав опасаться, что я в порыве чувств набью ему морду, он вошел в раж и описывал нам работу с трупом, как какую-то диковинку, вдохновение для научного труда на пять томов.

– Ран у нее очень много, и много переломов. Девятнадцать! У нее девятнадцать сросшихся переломов!

– Ваша жена когда-нибудь ломала кости? – спросил у меня следователь.

– Никогда, даже в детстве, – покачал головой я.

И оба мы знали, что за неделю не сросся бы даже один перелом – не то что девятнадцать, и оба не говорили об этом.

А эксперт уже не обращал на нас внимания, он оставался на своей волне:

– Некоторые раны, полученные ею, были достаточно тяжелыми, но она все их пережила.

– Так от чего же она тогда умерла? – не выдержал я.

– Она утонула, легкие были полны соленой воды. Если учитывать, что никаких травм, указывающих на сопротивление, нет, можно предположить, что произошло это добровольно – она утопилась.

– Нельзя ли об этом по деликатней говорить? – нахмурился следователь, бросив на меня быстрый взгляд.

Его беспокойство можно было понять: от этих слов мне должно было стать больно. Но больно почему-то не было. Я вообще почти ничего не чувствовал, внутри расплзлось онемение и тупая безысходность.

Я просто сплю. Это не про меня и не про Рэдж. Скоро я проснусь, и все снова будет хорошо.

Вопрос в том, что делать, если я все-таки не проснусь.

– Она не могла утопиться, – только и произнес я.

– Очень даже могла! Состояние легких...

– Да плевать на состояние легких! Рэдж просто не могла навредить себе. Есть люди, которые к такому склонны, но она не из их числа.

– А вот тут вы неправы! – с непонятным торжеством объявил эксперт. Желание двинуть ему на секунду вернулось, и пришлось напоминать себе, что он не злой, тупой просто. –

Она могла навредить себе и очень даже вредила!

– Как это понимать?

– Да сами посмотрите!

Он осторожно приподнял тонкую белую руку старухи и развернул ко мне внутренней стороной запястья. При ярком свете лампы невозможно было упустить, на что он указывал. На запястье шрамов было не в пример больше, чем на остальном теле, они наслаивались друг на друга, и казалось, что кожа там вдруг пошла складками. Почти все они были тонкими и горизонтальными, хотя попадались и полукруглые отметины, и шрамы-точки.

Я прекрасно понимал, на что смотрю. Я просто не мог произнести правильный ответ вслух, а вот у следователя получилось:

– Она резала себе вены.

– На обеих руках и не единожды, – подтвердил эксперт. – Хотя, безусловно, это мелочь по сравнению с другими ее ранами. Можно ли винить ее за то, что при такой жизни, при всех этих ранах и переломах, она задумывалась о самоубийстве?

– Да не задумывалась она! – вмешался я. Даже если это все не по-настоящему, я не позволю им оскорблять мою Рэдж. – Она была врачом, если вы вдруг упустили этот момент. Если бы она хотела покончить с собой, перерезав вены, она бы сделала это один раз.

– Тогда зачем она делала это с собой?

– Я... не знаю. Может, не сама?

– Пока все указывает, что сама. Но, как и в случае с возрастом, не я буду разбираться, что да почему, это ваше дело. А я вам напоследок подкину еще две задачки, и вот с этими, уверяю, у вас вообще ничего не выйдет. Следуйте за мной.

Он первым покинул холодный зал, залитый белым светом, а мы последовали за ним. Мне одновременно хотелось уйти – и не хотелось. И снова я запретил себе раздумывать об этом, я плыл по жизни, как по течению реки. Раз уж я совершенно не понимаю, что происходит, я просто позволю этому случиться.

Эксперт привел нас в маленький кабинет по соседству, душный и захламленный. Впрочем, нам до этого бардака не было дела, к нашему визиту все было готово. А в частности – светящийся экран на стене и большой бежевый конверт на столике рядом с ним.

– Поскольку дело уникальное, мы изучили тело всеми возможными способами, – пояснил эксперт. – Рентген, безусловно, тоже делали, куда ж без него! Так и узнали про девятнадцать переломов. Но не переломы тут самое странное!

Он достал из конверта два больших черных листа – снимки, едва различимые без правильно направленного света. Но, когда эксперт поднес первый снимок к светящемуся экрану, изображение можно было разглядеть без труда.

Мы смотрели на человеческий череп – понятно чей, и все равно у меня пока не получалось думать про ЭТО как про

Рэдж. Так что я сосредоточился на поиске странностей, о которых говорил эксперт, и без труда нашел их. Я, конечно, без медицинского образования, но все равно могу разглядеть темное пятно, растянувшееся на нижней челюсти и задевшее пять зубов.

– Это что? – удивился следователь.

– Это протез.

– Какой же это протез?

– Необъяснимый! – заявил эксперт. – Смотрите... Я примерно понимаю, что произошло с ней. Нечто ударило ее по лицу с такой силой, что откололо кусок челюсти и выбило пять зубов. Вот так это было!

Он продемонстрировал траекторию удара на самом себе, и даже так смотреть было жутковато. А уж представлять, как что-то бьет по лицу Рэдж, дробит ткани, отбивает кусок кости, и зубы в кровавых брызгах летят в разные стороны... Нет, это уже слишком.

К тому же этого не произошло.

– Она не была изуродована, – напомнил я. – Мы же только что смотрели на нее! Да, у нее, кажется, был шрам на подбородке, но совсем крохотный и уж точно не соответствующий такому удару.

Это должно было хоть немножко смутить эксперта, а он в ответ гордо выдал мне:

– Вот именно!

– Что – вот именно? Ничего же не сходится!

– И в этом странность! Нижнюю челюсть нельзя восстановить вот так – идеально, да еще и одним и тем же материалом! Даже в лучших клиниках мира ничего подобного не сделали бы. А она не выглядит как человек, у которого был доступ к лучшим клиникам мира. Да и потом, провести подобное протезирование без большого шрама... Невозможно!

– На невозможном предлагаю не буксовать, толку от этого нет, – указал следователь. – Ты мне лучше скажи, из чего этот загадочный протез сделан.

– А вот не знаю я! Тут надо изучать совсем уж подробно.

– И что, ты даже образец не взял? За все то время, что тело в твоём распоряжении? Десять раз!

Это «тело в твоём распоряжении» неприятно кольнуло – даже через онемение. Но я не сказал ни слова, мне нужно было знать, что случилось с Рэдж.

– Образец-то я взял, но там при анализе какой-то глюк был, – досадливо поморщился эксперт. – И толку – ноль, придется начинать сначала.

– Какой еще глюк? – заинтересовался я. – Я ведь то же самое думал про сравнение отпечатков пальцев.

– Нет, тут вообще другое! Отпечатки есть отпечатки – можно перепутать одни с другими, но это все равно будут отпечатки. А тут был результат, который невозможен, нельзя из такого материала сделать протез для человеческого тела, его ни один организм не примет!

– Что за материал?

– Кварц. Точнее, минерал, очень похожий на кварц, с незначительными отличиями... Но эти отличия – ерунда, а суть в том, что совершенно невозможно залатать человеческую кость с помощью кварца!

Нет, это точно сон.

– А что в этой ситуации вообще может быть? – проворчал следователь. – Когда ей этот кварцевый протез установили?

– Никогда! Из кварца нельзя сделать протез!

– Хорошо, хорошо, когда ей установили этот протез непонятно из чего?

– Понятия не имею, – развел руками эксперт. – Буду проводить более подробное вскрытие, если муж разрешит. Так-то кажется, что ткани к этому протезу полностью приросли... Но это ж вообще не вариант! Это еще полбеды, я вам сейчас кое-что другое покажу.

Он убрал в сторону снимок черепа и прижал к экрану второе изображение – грудной клетки. И в этом случае я тоже сразу разобрался, что его так впечатлило. На левой стороне не хватало одного ребра. Для того чтобы понять это, мне не пришлось ничего пересчитывать или сравнивать стороны, все было очевидно: на месте недостающего ребра остался короткий кривой обломок.

У меня от этого зрелища мороз пошел по коже. Эксперт же был возбужден, как любой фанат своего дела.

– Это бессмысленно и невозможно одновременно, как ни крути! Невозможно, потому что, не получив при таком ране-

нии медицинской помощи, она не смогла бы выжить. А при медицинской помощи ни один врач не оставил бы обломок ребра в таком состоянии!

– Она сама была врачом, – напомнил я. – Она могла обработать эту рану...

– Такие раны не обрабатываются, чтобы исправить последствия, нужна полноценная операция. Это не та ранка, к которой приложил подорожник – и само заживет. Это первое. Второе – я совершенно не представляю, как эта рана была нанесена. Как можно вырвать, именно вырвать, одно-единственное ребро подобным образом? Ей-богу, ума не приложу! Ну и третье, над этой раной был совершенно бестолковый шрам – кружочек маленький, и я даже не ручаюсь, что это повреждение кожи связано с вырванным ребром. Это все из невозможного. А из нелогичного... Если кто-то сумел восстановить ей челюсть и зубы, почему не восстановил ребро? Сделать такой протез не в пример проще! Нет, ничего не сходится.

Вот с этим я мог согласиться – не сходится ничего, как ни крути. Но где возмущаться, кому предъявлять претензии? Кому вообще есть дело до моего горя?

Итог ведь неизменен... Из моей жизни забрали самого дорогого человека, и ничего уже не будет прежним. Мне нужно как-то научиться жить без нее...

Я разрешил им все вскрытия и все тесты, о которых они просили. Мысль о том, что тело Рэдж будут исследовать, резать, разбирать на части, отзывалась глухой болью в груди, и, если бы речь шла только о научном интересе, я бы никогда на это не пошел. Но я все еще надеялся получить ответы.

Они ведь нужны были, ответы эти – я не мог просто смириться! Может, это не изменило бы ничего для Рэдж... Понятно уже, что не изменило бы. Мертвым все равно. Но меня не покидало ощущение, что, отказавшись от правды, я предаю память о Рэдж и все, что между нами было.

Вот только дополнительные вскрытия не принесли ничего, кроме осознания того факта, что тело женщины, которую я любил, изрезали на мелкие кусочки. Ребро пропало – и все, никто не смог объяснить, как его удалили. Определили только, что произошло это очень давно – около пятидесяти лет назад, то есть через десять лет после того, как Рэдж исчезла из моей жизни.

Было странно думать о ней такими категориями, как пятьдесят лет. Дико даже. Но все лучше, чем доказывать себе и миру, будто это случилось с ней за те несколько дней, что она не выходила на связь.

Так вот, ребра она лишилась около пятидесяти лет назад, а челюстная кость пострадала лет на пятнадцать позже. Это

объясняло, почему она не получила протез вместо ребра: вероятнее всего, в тот момент возможности создания протеза просто не было.

Ну и толку мне с той информации? Она мне ровным счетом ничего не дает. Гораздо важнее, что материал, из которого был изготовлен челюстной протез, так и не удалось установить. Сошлись в итоге на вердикте, что это «неизвестный минерал». А что за минерал, как из него сделали такой идеальный протез, почему тело Рэдж не отвергло его – никто не представлял.

Словно извиняясь за отсутствие толковых ответов, эксперты накидали мне сведений по мелочи, но в таких условиях уже за крупицу держишься. Я узнал, что Рэдж ничем серьезным не болела, кровь у нее была чистая, органы – в хорошем состоянии для ее возраста... Для ее возраста! В моей картине мира Рэдж по-прежнему было двадцать девять, и мозаика катастрофически не складывалась.

Естественно, после всех этих манипуляций ее невозможно было нормально похоронить. Чувство того, что я ее предал, лишь усиливалось. У нее собственного гроба не будет! И вместе с тем меня так и не отпустило окончательно ощущение, что это все не по-настоящему, это я сплю или все остальные спят... Но Рэдж в любом случае не стала этой старухой, все на самом деле по-другому.

Ее тело кремировали, и никакой огонь не смог уничтожить челюстной протез. Это привело экспертов в неопишуе-

мый восторг, от которого меня, признаться, подташнивало. Они выцыганили у меня этот протез, и я отдал им его – мнесто он зачем?

Потом оказалось, что они его потеряли. Точнее, по их словам, он просто исчез, словно в воздухе растворился. Это было самое дебильное оправдание собственной некомпетентности на моей памяти. Они даже имели наглость явиться ко мне и допытываться, не я ли украл загадочный минерал, который, вообще-то, и принадлежал мне с самого начала. Тут уж я послал их туда, куда хотелось.

Урну с прахом Рэдж захоронили в могилу ее матери. Она так хотела... Она была очень близка с матерью и переживала смерть безумно тяжело. На похоронах все повторяла, что ее непременно нужно положить туда же. Я с ней не спорил, видел, что она просто в шоке, не соображает, что несет. Я не беспокоился, потому что... с чего бы? Рэдж была молода и здорова, а от всего остального ее мог защитить я! Или думал, что смогу...

Она как будто сглазила саму себя.

Похороны были непонятными и быстрыми. Я смотрел, как урну опускают в яму, я бросил на нее первую горсть земли, и все равно у меня не было ощущения, что вот это – конец. Все, меня и Рэдж больше не существует, есть только я и память о ней.

Я не мог избавиться от мысли, что подсунул в могилу ее матери абсолютную незнакомку.

Правы были древние египтяне. Те, которые хоронили своих фараонов с женами, любовницами, рабами и бабушками рабов. С собаками и тем крокодиллом, с которым фараон однажды повстречался взглядом. С сокровищами и всем, что было дорого при жизни.

С памятью о них.

Потому что память, воплощенная в предметах, – она ведь страшная. Страшнее, чем многие могут себе представить. Предметы эти, оставленные мертвецом, – нож, который снова и снова входит в одну и ту же рану, не позволяя ей зажить.

Рэдж все еще была со мной в нашей квартире. Ее одежда висела в шкафу, ее сапоги и ботинки были аккуратным рядком выставлены в прихожей. Большая часть комода в нашей комнате была отдана под ее белье, шарфики и побрякушки. В воздухе витал едва уловимый аромат ее духов – сандал и пряности, зимой и осенью всегда так. В ванной почти все полки были заняты ее косметикой, всеми этими баночками и тюбиками. Я не знал назначения половины из них, запомнил только: «Можешь брать любой гель для душа, кроме мандаринового, его мало осталось, а это лимитированная коллекция, больше не будет!»

Странное признание: именно глядя на этот долбаный гель для душа, я первый и единственный раз заплакал о ней. Ко-

гда тело опознавал, слез не было, пожалуй, из-за неверия, а потом – от шока. На похоронах тоже ни слез, ни слов. Я был не в себе, я еще спорил с судьбой... А потом уже, вечером, увидел эту почти пустую бутылочку, услышал в памяти голос Рэдж – и накатило. Она беспокоилась, как же дальше будет обходиться без этого своего мандаринового геля, осталось ведь совсем немного! А по итогу осталось больше, чем вся ее жизнь.

Говорят, что со слезами становится легче, но мне легче почему-то не стало. Рэдж продолжала жить со мной в нашей квартире. Она как будто вставала раньше меня или пряталась в ванной, когда я уходил на работу, но она все равно была там. Живой, а не мертвой, и при таких условиях это не могло измениться.

Если бы я рассказал об этом кому-то, своим друзьям или ее друзьям, они наверняка дали бы мне предсказуемый совет. Мол, выбрось ты все это, продай или на благотворительность отдай – и будет тебе счастье! Но сказать такое куда проще, чем сделать. Я не мог избавиться от последнего, что напоминало о жизни Рэдж. Потому что это была и моя жизнь тоже, и сложно сказать, что вообще останется, если я ее отпущу.

Так было не всегда. Да что скрывать, в день, когда она уезжала, я еще был уверен, что Рэдж – это важная, однако далеко не единственная составляющая моего мира. Есть работа, в которой я хорош. Есть спорт, который я люблю. Есть

мои родители, друзья... Мои цели и планы. Так что я выжил бы, если бы Рэдж ушла от меня, хотя такую возможность я никогда не рассматривал всерьез.

Но Рэдж не ушла, она умерла, и это все меняло. У меня будто отняли опору, на которой все держалось. По большей части моя жизнь осталась неизменной, вот только... Оказалось, что мне это уже не надо. Не так, не без нее. Возможно, причина скрывалась в том, что никто не любил меня так, как она, и я знал, что заменить ее нельзя.

А возможно, все дело в том, что я ее отпустил. Значит, я был одним из виновников всего, что с ней случилось.

Не то чтобы эта мысль свалилась на меня внезапно, она появилась в тот момент, когда я узнал, что Рэдж мертва... Нет, даже раньше. Когда она впервые не сняла трубку. Я просто придавил эту мысль, спрятал ее за возмущением, потом – за страхом, потом – за шоком. Но когда потянулись длинные бесцветные дни после похорон, мысль вернулась и постепенно обрела все большую власть надо мной.

Никто по-прежнему не знал, что случилось с Рэдж. Но я не сомневался, что, если бы я отправился с ней, все завершилось бы иначе. Почему я не поехал?.. Да потому что накануне мы с Рэдж вляпались в крупную ссору, самую серьезную за время нашей совместной жизни.

Нет, по мелочам мы цапались и раньше. Мы не из тех пар, в которых каждый день только и слышно, что «Ты моя бу-сечка!» – «А ты моя кукусечка!». На меня такое как рвот-

ное действует, да и Рэдж не в восторге была. Мы спорили и не соглашались. И видит бог, если я вел себя как последний козлина, Рэдж дословно меня об этом информировала.

Наша первая и, как оказалось, последняя ссора была связана с ее папашей.

Собственно, большую часть жизни папаши у нее не было. Ее растила мать-одиночка, причем растила прекрасно. Тетя Оля умудрялась и воспитывать дочь, и строить карьеру хирурга, а для женщины это посложнее будет, признаю и снимаю шляпу. Сильная тетка была, волевая. Не скажу, что воспринимал ее как вторую мать – мне одной вполне себе хватает. Но я ее уважал, а для меня это главное. И когда она умерла, для меня ее смерть стала трагедией, моей собственной, а не из солидарности.

Отец у Рэдж тоже был, потому что даже такие самодостаточные женщины, как тетя Оля, пока не наловчились размножаться делением. Причем это был не отец классической модели «папа-летчик», а личность вполне известная. Тетя Оля сообщила ему, что беременна, и иллюзий на его счет не питала. Она как-то упомянула, что ей просто хотелось для своего ребенка «удачный набор генов», все остальное она могла предоставить сама.

На роль набора был торжественно избран известный в научных кругах археолог Арсений Батрак. Он прекрасно знал о планах Ольги насчет генетически удачного наследника, и ему было пофиг. Он запретил давать ребенку его фамилию, и

Ольгу это вполне устраивало, потому что у нее имелась своя фамилия для своего же ребенка.

Ну а потом все эти споры перечеркнул я, дав их ребенку мою фамилию, но к основной истории это отношения не имеет.

Всем было бы лучше, если бы Батрак, предоставив гены известным способом, вообще свалил в закат и больше не показывался. Однако в нем вдруг взыграло любопытство – скорее научное, чем отцовское. Ему хотелось посмотреть, что там родилось с его подачи, и он начал навещать Рэдж. Не знаю, почему этому не препятствовала тетя Оля. Может, не хотела, а может, не могла, Батрак всегда был человеком влиятельным, а еще, по слухам, злопамятным и мстительным.

На ее удачу, интерес Батрака к ребенку был не слишком велик. Знатный наш археолог являлся только тогда, когда это было ему удобно, то есть не чаще двух раз в год. А когда Рэдж исполнилось десять лет, он и вовсе сгинул в очередной экспедиции. Подробностей его дочь не знала, и я, соответственно, тоже. Я и не интересовался, мне честно и искренне плевать на подобных персонажей.

А вот Рэдж была другой, у нее на предмет папаши оформился пунктик. Самое смешное здесь то, что Батрак, вероятнее всего, потерял бы к дочери интерес естественным путем. Она развлекала его, пока была забавной живой игрушкой. Но подростковые проблемы он бы вряд ли выдержал, оно ему надо? Они с Рэдж, у которой характер был тоже не

самый простой, в итоге поссорились бы, жизнерадостно прокляли друг друга и пошли своими дорогами.

Однако, исчезнув, он превратил себя в героя, таинственный и мистический образ. Насколько мне известно, Рэдж украдкой разыскивала его годами. Украдкой – потому что это здорово обижало ее мать. Тетя Оля считала, что таким образом Рэдж показывает: не хватило ей в детстве любви, не может один родитель дать столько же, сколько два. Как по мне, она придумывала лишнего. Бедой Рэдж было слишком активное воображение, которое рисовало ей сказочного отца, только и всего. Но Батрак не находился, и ситуация оставалась стабильной.

После смерти матери Рэдж занялась поисками с удвоенным энтузиазмом. Я держал нейтралитет... Ну, насколько я вообще на это способен. С периодичностью где-то раз в месяц я сообщал ей, что искать его – тупейшая идея, однако активно не мешал. Мне казалось, что это и не нужно, что если Батрак не высунул мордочку из укрытия за без малого девятнадцать лет, то и нет его больше в мире.

Недавно ситуация пошла по неприятному пути. Частный детектив, не первый год подсасывавший деньги из нашего семейного бюджета, вдруг обнаружил на фото из какого-то горнолыжного курорта человека, похожего на Арсения Батрака. Ну, знаете, как следователи говорят – «жидкость, похожая на воду». С Батраком была примерно та же история: дядька на фото был похож на него, однако никто бы не по-

ручился, что это действительно он.

И вот тогда под хвостом у Рэдж полыхнул энтузиазм. С моей точки зрения, всю эту ситуацию можно было описать словами «И чё?». Ну, нашелся. Ну, живой. Дальше-то что? Если это действительно он, очевидно, что он не бедствует. Что мешало ему самому отыскать дочь за эти девятнадцать лет? А если она ему не нужна, зачем навязываться?

С точки зрения Рэдж, все обстояло несколько иначе. Светлый образ Батрака был скитальцем, чуть ли не святым. Девятнадцать лет назад с ним случилось нечто настолько ужасное, что он просто не мог вернуться к любимой дочурке. Никак – ни ползком, ни крабиком. Поэтому сейчас он боится подойти к ней и попросить прощения, так что она должна сама найти его и объяснить, что она не держит зла.

– Тебя не смущает, что рожа у него откормленная и одет он, прямо скажем, не в обноски? – бушевал тогда я.

– Это все поверхностное, оно никак не отражает, что у него на душе! – парировала Рэдж.

Я не мог остановить ее, не запираю же ее в кладовке, в самом деле! Но свой протест я выразил тем, что отказался ее сопровождать. Прямо так я об этом не заявил, сослался на тренировки, которые действительно были. Однако мы оба знали, что я отменил бы тренировки, если бы хотел уехать с ней.

Я был уверен, что все закончится очень быстро. Она найдет Батрака, если это действительно он, получит свой ушат

презрения и вернется с долгожданной мыслью о том, что он просто старый мудак. Сама Рэдж видела ситуацию скорее в розовых оттенках, но тоже не собиралась задерживаться надолго. По ее плану они с Батраком должны были встретиться в каком-нибудь уютном кафе (думаю, на этом моменте она воображала ветер в волосах и лепестки сакуры в воздухе), порыдать друг у друга на плече и разойтись с обещанием звонить и писать. Ни она, ни я и мысли не допускали, что не будем вместе на ее день рождения.

А потом был внезапно отключенный телефон.

И труп старухи на железном столе.

Теперь мне предстояло вернуться к моменту ее отъезда и пройти самостоятельно тот путь, который я мог бы пройти с ней. Что еще мне оставалось? Я уже попробовал жить без нее, и жизнь эта стала лишь угасающей пародией. А если так, нужно пробовать нечто иное.

Нельзя сказать, что расследование смерти Рэдж было завершено. Куда там! Ее смерть и все, что стало с ее телом, спровоцировали слишком большую шумиху. Думаю, там всякие эксперты будут не один год совещаться и переливать из пустого в порожнее. Но меня это не касалось. Я рассказал все, что знал, и это вряд ли могло по-настоящему помочь им. Да и они бы мне не помогли – я чувствовал, что они далеки от верного пути и ни хрена они не поймут.

Я, возможно, тоже ни хрена не пойму, время покажет, так хоть попытаюсь! Какого-то конкретного плана у меня не бы-

ло, я никогда не увлекался детективами. Я решил просто проходить этот путь по одному шагу – не заглядывая слишком далеко. Для начала я взял отпуск на неопределенное время. Мне не стали отказывать, все равно из меня работник в таком состоянии не ахти. Спросили только:

– Когда вернешься, Ник?

А я знаю? Я ж не уверен даже, что вернусь. Но об этом трепаться пока рано... Я не терял надежды, что все каким-то образом наладится само собой. Смогло же оно само собой рассыпаться!

У меня не было контактов того детектива, с которым общалась Рэдж, да и не нужны они мне были. Он получил гонорар и забыл обо всем. Он не знает, где сейчас Батрак... Он и тогда не был уверен, что мужчина на фото действительно тот самый.

Но это был он. Рэдж сама сказала, когда мы еще созванивались. Другая женщина вообще не стала бы мне звонить, затаив обиду – и за то, что я с ней не поехал, и за то, что наше прощание было теплым, как мороженая говядина. Но угрюмое молчание и поджатая до переносицы губа были совершенно не в духе Рэдж. Добравшись до горнолыжного курорта, она сама позвонила мне, потому что знала: я буду беспокоиться, если она не позвонит.

Что тут сказать? Люди, которые любят друг друга, способны на глупость или мелкую пакость, а на подлость – никогда. Я тоже любил ее, поэтому не собирался троллить обижен-

ным молчанием. Ладно, она меня не послушала, а я ее не поддержал – мы квиты. С этого момента можно было общаться так, будто ничего не случилось.

– Так это он или не он? – полюбопытствовал я. – Твой ли отец отбросил эту тень, Гамлет?

– А тебе бы все прикалываться... Ник, я думаю, это действительно он, – прошептала она. – Я его видела сегодня...

– Говорила с ним?

– Ты что? Я б умерла от волнения, ты не представляешь, как меня трясет!

– Ты туда поехала вибрировать или семейные узы восстанавливать?

– Мне сначала нужно было понять... А теперь нужно подготовиться. Завтра... Я поговорю с ним завтра.

– Можешь начать разговор с удара в лицо. Я б так и сделал.

– Ник!

– Что? Это гарантированно привлечет его внимание!

Да, я все еще не воспринимал это всерьез. Что я могу сказать? Я упрямый... Да и потом, какой худший сценарий у такой ситуации? Рэдж понимает, что ее батя – чмо, и навсегда забывает о нем. Плачет, но забывает же!

Вариантов «Рэдж умирает» и «Рэдж превращается в изуродованную старуху» у меня не было.

Мы созвонились на следующий день, и она казалась еще более задумчивой, чем накануне, печальной даже. Правда, неуверенность исчезла, но на смену ей пришло чувство, ко-

торое я не совсем понимал. Вот тогда я и получил первый укол беспокойства, однако не придал ему значения.

Это же Рэдж, она сильная, со всем справится! А если нет, она сейчас на горнолыжном курорте, полном народа, она в безопасности.

– Я с ним поговорила, – признала она. – Это и правда он... Он меня помнит. Узнал...

– Что-то радости в твоём голосе не слышно, – заметил я. – Он оказался именно такой скотиной, как я ожидал?

– Нет, он... Я... Все сложно. Не хочу говорить об этом по телефону.

– Так приезжай домой – обсудим лично! Рэдж, сколько можно уже?

– Я приеду, правда... просто не сейчас.

Вот такого поворота я не ожидал.

– Почему не сейчас? Куда ты собралась?

– Я хочу немного понаблюдать за ним, поговорить... Я тебе потом перезвоню!

Но она так и не перезвонила – и не ответила, когда позвонил я. Кто подумал бы, что наш последний разговор будет таким коротким, спонтанным и дурацким? Я не мог этого предвидеть, и все же... Сейчас нужно признать хотя бы самому себе: уже тогда у меня появилось чувство, что она что-то скрывает от меня. Но я решил не давить, дать ей шанс рассказать, когда ей самой будет комфортно... Всегда ведь так было!

А выходит, что я облажался. Только это уже не исправить, в нашей истории вообще ничего исправить нельзя. Я не знаю, о чем Рэдж говорила со своим отцом. Не знаю, говорила ли она с ним второй раз, почему ей так хотелось за ним наблюдать. Не знаю, имеет ли он отношение к ее смерти, хотя в это я хочу верить, ведь тогда я смогу сбросить часть вины с собственных плеч.

Я только знаю, куда она собиралась накануне исчезновения и где успела побывать. Оттуда и нужно начинать поиски того, что я не могу даже представить.

* * *

На крышу я сбежал, потому что меня достали абсолютно все – от уборщицы на первом этаже до пацаненка, который пришел кого-то навестить и уже полчаса изображал из себя паровозик. В общем, от людей я устал. И покурить хотелось. И на мир посмотреть – весна все-таки за окном!

Поэтому я и забрался на крышу пансионата. Проводником в мир спокойствия для меня стал спертый у медсестры ключ, но угрызений совести я по этому поводу не чувствовал. Во-первых, она эти ключи пачками теряет. Во-вторых, внимательнее надо быть. В-третьих, когда уколы научится нормально делать, тогда я и буду оберегать ее душевный покой.

Пока же я обретал собственный покой, наблюдая за дере-

вьями, покрытыми нежным пушком первой зелени, и солнечными лучами, искрящимися в ручьях. Было холодновато, но не настолько, чтобы пожертвовать столь милой сердцу тишиной. Увы, мне все равно помешали.

Дверь открылась, и на плоскую крышу вышла какая-то девица в белом халате. Надо сказать, что белым халатом тут стратегически отмечали почти всех сотрудников, так что она с равной долей вероятности могла быть и медсестрой, и поварихой.

Она была новенькой, это без вариантов. Я б такую сразу заметил. Девица была молодой и очень красивой – этакая фарфоровая куколка со светлыми волосами и голубыми, как летнее небо, глазами. Смотреть на нее было приятно, потому что в этих стенах я красивых женщин не видел давно. Но за свою жизнь я на них насмотрелся, так что не могу сказать, что был сразу поражен в самое сердце. Я прекрасно понимал, что от девицы будет больше проблем, чем пользы, и наслаждался последними моментами спокойствия.

– Нарушаете, Николай Анатольевич? – поинтересовалась она. Впрочем, без упрёка а-ля детсадовская воспитательница, и на том спасибо. – Причем несколько ключевых пунктов правил нарушаете. Тут вам и воровство, и курение на территории.

– Ну да, – равнодушно ответил я. Зачем отрицать очевидное?

Я ожидал очередной нотации, которыми тут все бабцы без

исключения развлекались. А девица лишь равнодушно пожала плечами и заключила:

– Ну и хрен с вами.

Так, это определенно что-то новенькое! Я ожидал подвоха, может, просто нового вида скандала. Однако она скандалить не собиралась, она подошла к перилам в паре шагов от меня и облокотилась о них, рассматривая волны зеленеющих деревьев перед нами. Потом девица подняла лицо к теплым солнечным лучам и прищурилась, как довольная кошка.

– И это что – все? – не выдержал я.

– А чего вы ожидали? Рассказа о том, как вредно курение? Так вам для этого на пачках сигарет ключевые слова пишут, вроде «инфаркт» и «импотенция». Если эти прискорбные события вас не пугают – воля ваша.

– В этом милом местечке всегда найдется повод отчитать меня помимо курения.

Я знал, о чем говорил. Я провел в пансионате почти месяц – перевелся сюда сразу из больницы. Вообще, парень я крепкий, но даже крепким парням не везет. В горах я не просто навернулся со сноуборда, а налетел на скрытый под снегом камень. Кто виноват, что он там был? Уж точно не я – я тогда наивно верил, что на платных трассах таких проблем не будет.

Обошлось без переломов, и на том спасибо, но кости знатно так потрескались, и был ушиб внутренних органов. В больничке меня подлечили, а сюда направили на реабилита-

цию. И вот тут началось!..

– Не знаю, не знаю, – отозвалась девица, по-прежнему не открывая глаза. – Мне на ваш счет никаких особых указаний не поступало.

– Да? А как же обязательный в здешних кругах рассказ о том, что мне нужно побереечь себя и ни в коем случае больше не становиться на сноуборд?

Вот теперь она посмотрела на меня, и в ее ясных глазах без труда читалось удивление.

– А что с вами не так?

Пожалуй, в каждой отношениях есть переломный момент, когда ты понимаешь, что вот этот человек – твой. Что это не на чуть-чуть и не потому, что других нет. Это – то самое, что нужно и хочется оставить.

Я об этом раньше не задумывался, да и в тот момент не особо озадачился. Но позже, уже когда мы с Редж прожили несколько лет, я начал искать тот переломный миг, когда стало ясно, что она не такая, как все, и мне хочется остаться с ней. К своему удивлению, этот миг я нашел в дне нашей встречи, когда я его благополучно упустил.

Дело было не в том, что она сказала, а в том – как. Я за свою жизнь встречал немало людей, с пеной у рта доказывающих мне, что я нормальный. Да чуть ли не каждый второй за время нашего знакомства занимается этим. Ты классный парень, Ник, у тебя все получится! Ты не переживай, жизнь непредсказуема, порой она дает больше тем, кто этого

не ожидает! Ты намного лучше обычных людей! Такая вот фигня, за натужностью которой четко прослеживается черта между мной и якобы нормальными людьми.

Хотя кто вообще нормален в этом мире?

Но для девушки, стоявшей передо мной, черты не было. Она задала мне вопрос не потому, что это прилично, и не потому, что собиралась полить меня сиропом политкорректных фраз. Она действительно не понимала, о чем речь! При этом мой очевидный недостаток она видела, даже если раньше не знала о нем, – я ж в майке на крышу выперся.

Для нее это просто не было недостатком. Вот такой она человек, с этим можно только родиться. Говорят же, что красота в глазах смотрящего, так? Ну вот, в глазах этой девушки я отражался как человек, для которого нет особых условий. Не знаю, правильно это или нет, я сам во всех этих мультиках с политкорректностью не шибко разбираюсь. Но я был в восторге, потому что именно такого отношения я ждал всю жизнь.

– Они думают, что вот из-за этого я на сноуборде обязательно убьюсь, – я помахал ей правой рукой.

– Глупости какие! – закатила глаза девушка. – Я, кстати, тоже обожаю сноуборд и тоже регулярно слышу, что женщинам это вредно и что я убьюсь. Видите? Если смириться с тем, что сноуборд есть смерть, вас уже никакое мнение не удивит. Кстати, можем покататься вместе, когда вы выйдете отсюда. Я вам даже в честь выписки первый день оплачу.

– Лучшей оплатой сочту вашу компанию, – усмехнулся я, разглядывая ее с растущим интересом. – Сейчас прозвучит вообще не в тему, но я должен спросить... А вы вообще кто?

– А, виновата, забыла! – Она шлепнула себя по лбу ладошкой и рассмеялась. – Всегда в начале забываю про начало! Но мне говорили, что у меня все странное... Короче, я – ваш новый врач, курировать вашу реабилитацию буду. Меня зовут Регина... Ну, то есть у меня такое имя, но так меня зовут только на работе, если по правде.

А вот это, думаю, был переломный миг для нее – когда ей захотелось сказать мне, как зовут ее близкие люди. И, получается, включить в этот круг меня. Тут я не мог не спросить:

– Как же зовут вас все остальные?

– ...Эй, мужик, приехали!

Это было очень и очень неприятное завершение сна. Хотя поделом мне: нечего спать в такси. Сам не знаю, как так получилось, я не собирался... Впрочем, стоит ли удивляться? С тех пор, как все это завертелось, у меня со здоровым сном туго. А тут машина часами ползла по заснеженной дороге, меня несколько укачало, разморило в тепле, и вот результат. Следовало догадаться, что мне приснится Рэдж... Пожалуй, я должен быть благодарен за то, что она приснилась мне живой и молодой.

Но пятиминутка отдыха закончилась бесцеремонными усилиями водителя. Он-то, в отличие от меня, не спал, он следил, чтобы мы птичкой не полетели в какую-нибудь

неприглядную пропасть. У него это получилось, но ценой немалых усилий, и он ныне был злой как черт и требовал справедливой оплаты. А тут я дрыхну! Понятно, что будил он меня не с материнской нежностью. Оно и правильно: за материнскую нежность он и в челюсть схлопотать мог.

Чтобы подлечить ему нервы, я не поскупился на чаевые. Это несложно: с деньгами у меня давно уже не было проблем. А теперь я и вовсе слабо представлял, на что их тратить... От моего продуманного и одобренного сценария будущего мало что осталось.

Итак, я оказался на том самом месте, где должен был сопровождать Рэдж... В точке ее исчезновения. Вопреки моим ожиданиям, никакого дурного предчувствия у меня не появилось. Место было красивое – искрящийся белый снег, уютные пятна зелени от елок и пихт, аккуратные деревянные коттеджи по обе стороны единственной дороги. Место, где одинаково хорошо молодым парам и семьям с детьми. А еще – место, где ничто не могло заинтересовать старого куркуля вроде Арсения Батрака.

Я уже в дороге начал задумываться: зачем вообще он сюда приперся? Ответа не было даже в проекте. Ради катания на горных лыжах? Не смешите мое термобелье! А больше тут делать нечего, вся деревушка – это курорт, тут даже магазины в основном сувенирные. Причем курорт построили лет пять назад, так что здесь нет и быть не может всяких там древностей, милых его сердцу... Или что там у таких людей

вместо сердца?

И все равно он приехал. По информации, которую частный детектив передал Рэдж, Батрак был один, ни с кем не встречался. Зачем ему это понадобилось?

Просто воздухом подышать дед мог и подешевле – курорт-то дорогой! Точнее, был очень дорогой, когда мы арендовали тут домик для Рэдж. Да нам лишь чудом удалось проскочить без предварительной брони!

Но к тому моменту, как сюда засобирался я, ситуация внезапно изменилась. И мест было полно, и цены приятно упали. У меня не было времени и желания искать причину, своих проблем хватало. А тут я вспомнил об этом, когда оказался среди коттеджей. На единственном фото, которое успела скинуть мне Рэдж, людей хватало. Теперь же их на улице было значительно меньше – минимум вдвое. И это в самый разгар сезона!

Касалось меня это или нет, а знать правду я хотел, поэтому при регистрации тут же пристал с расспросами к администратору.

– Да это все несчастный случай, – досадливо поморщилась она. – Даже полиция уже десять раз заявила, что у нас безопасно, нет никаких оснований ожидать, что ситуация повторится! А люди все равно не едут... Такие слухи распространяются быстро и обрастают враньем!

– Какой еще несчастный случай? – заинтересовался я.

Это меня сразу насторожило. Неужели на репутацию ку-

порта так повлиял случай с Рэдж? Но здесь вообще не должны были знать о нем! Насколько мне известно, хватает подтверждений, что до своего исчезновения она успела выехать с курорта, это место официальное следствие не связывает с ее участью.

– Мне нежелательно говорить об этом, – вздохнула администратор. – Начальство такое сильно не любит!

– Ну и зря. Я ведь все равно узнаю – соседи что-то шепнут, в интернет полезу. Так что лучше: если я услышу правду от вас или начитаюсь вранья и приду скандалить, чтобы мне вернули деньги?

Аргумент с деньгами сработал. Он всегда срабатывает. Администратор пусть и неохотно, но заговорила.

Так я выяснил, что восемь дней назад здесь пропала целая семья – родители и двое детей четырнадцати и двенадцати лет. Они приехали на целый месяц, заняли один из лучших коттеджей, и долгое время все шло хорошо. Они катались вместе с остальными гостями, часто мелькали в ресторане и кафе, да и вообще радовались жизни. Они не выглядели встревоженными и даже не собирались уезжать пораньше.

Потом они вдруг исчезли – за одну ночь, все разом. Машина на месте, вещи на месте, а их нет. В коттедже не было ни намека на борьбу, казалось, что хозяева вот-вот вернуться... А они не вернулись, и найти их не удалось. Да и не то что их, даже указания на то, куда они могли деться.

Понятное дело, я мимо такого пройти не мог. Да, даты

катастрофически не совпадали: Рэдж официально, со всеми выписками и своим ходом, покинула курорт до того, как они пропали. Получить такие же сведения про ее папашу я не мог, но вряд ли она уехала бы раньше него. Когда эти двое отбыли, пропавшая семья еще всюю каталась с горки.

Но потом ведь они пропали! И Рэдж пропала. Что за совпадение такое?

От администратора я ничего больше добиться не мог, дальше нужно было действовать самому. Благодаря оттоку посетителей, перепуганных исчезновением семьи, у меня получилось заселиться в тот же коттедж, в котором сутки провела Рэдж, и это было странное чувство. Меня встречал безликий гостиничный номер, уже двадцать раз убранный, возможно приютивший между Рэдж и мной кого-то еще. И все равно мне казалось, что я чувствую здесь ее присутствие...

Так что первые часы там я потратил на осмотр номера чуть ли не с микроскопом. Я искал тайное послание, намек, который пойму только я... Но ничего не было. Да и откуда? Уезжая отсюда, Рэдж и мысли не допускала, что ей зачем-то нужно оставить для меня послание... или что она не вернется ко мне.

Так я промаялся до темноты, признал поражение и направился в единственный местный ресторан. Там частный детектив и обнаружил на фото Батрака, там, скорее всего, и состоялся их разговор с Рэдж. Рэдж провела в этом месте менее суток, держалась в основном сама по себе, и если ее

и могли запомнить, то только там. Хотя эта надежда была призрачной: я уже успел показать ее фото администратору и двум горничным, но ее никто не узнал.

Если в чем-то не везет, в чем-то должно и повезти, иначе жизнь становится совсем уж тоскливой. Мне повезло в ресторане: официантка все-таки узнала Рэдж. Правда, толку от этого было немного.

– Она всегда сидела одна, – сказала официантка. – Я ее запомнила, потому что она была очень грустной, а у нас обычно не грустят. Мне стало интересно: почему?

О, я-то знаю, почему грустила Рэдж! Потому что кое-кто не поехал с ней. Но рассказывать об этом официантке бессмысленно.

– И еще она была тревожной, – продолжила официантка. – Но не испуганной, а волнующейся. К ней, кстати, пытались подсаживаться мужчины, она всех прогоняла. Непонятно, короче... Ничего плохого с ней тут не случилось, вы не подумайте! А то после этого исчезновения сразу небылицы ползут... Утром я видела, как она от нас уезжает, целая и невредимая.

– Так она совсем тут ни с кем не встречалась?

– Нет, я такого не видела. Да она и была-то у нас недолго!

Очень странно... Если Рэдж пересеклась со своим папашей не в ресторане, то где тогда? Неужели пошла к нему в дом? Она могла – у нее в голове засела вера в то, что родной отец никогда ей не навредит.

– Знаете, она отправлялась сюда, чтобы встретиться с одним человеком, – доверительно сообщил я. – Старшего возраста, тоже одинокий, носил куртку с высоким воротником...

– Ой, можете не продолжать, я знаю, о ком вы! – поежилась официантка. – Ваш друг?

– Ни в коей мере.

– Тогда скажу как есть: жуткий тип!

– Он что-то сделал вам?

– Мне – ничего... Да он вообще не делал ничего такого, что сошло бы за нарушение правил, но... Знаете, бывают такие люди, рядом с которыми просто плохо!

О Батраке она могла рассказать гораздо больше. Во-первых, он пробыл тут дольше, чем Рэдж, – две недели. Во-вторых, он вел себя не так, как здешние гости. Ни с кем не общался, ничем не пользовался, иногда приходил в ресторан, иногда гулял по территории курорта, но в горы не совался. Все! Непонятно, зачем он вообще явился сюда посреди сезона. Даже официантке было очевидно, что ему не нравится среди шумных толп.

– То есть с девушкой, которую я показал, он не пересекался? – уточнил я, хотя все и так было понятно.

– Нет, ни разу.

– А с пропавшей семьей?

Я сначала сказал это, а потом сообразил, что ляпнул. Сам не знаю, зачем спросил. Официантка уставилась на меня, как

на идиота, и вполне справедливо. Не представляю, почему я вообще додумался связать одно с другим.

Я ожидал, что официантка отчалит, но она оказалась достаточно вежливой, чтобы ответить:

– Никогда. И он уехал до того, как они пропали. Слушайте... Я не знаю, что случилось с этой семьей, и вообще никто тут не знает. Мне их очень жалко, но мне кажется неправильным придумывать что-то. Это даже оскорбительно, разве нет? Приплетать то, чего не было...

– Так ведь ничего не было, насколько я понял! Исчезли самые обычные гости, ничто не предвещало... Поэтому другие гости и стараются придумать свои версии, просто чтобы не бояться, чтобы поверить, что с ними такое не случится!

И вот тут она, до этого бойкая и болтливая, замялась. Похоже, ей хотелось возразить что-то, но даже она, при всей своей легкомысленности, соображала, что с посторонними о таком лучше не болтать. Если бы она подумала об этом чуть дольше, то и вовсе бы ушла. Пришлось ее поторопить:

– Или все было не так уж радужно?

– Да как бы это... Ну, там же... Нет, нормально все...

– Я никому не расскажу, – заверил ее я. – Мне бы самому понять!

– Ничего нового я вам не сообщу, я это все, между прочим, полиции говорила! Просто родители были такие же, как все. А дети, как мне показалось, за пару дней до исчезновения ходили какие-то кислые. Один раз в ресторане мать да-

же накричала на них.

– На тему?

– Неумной фантазии, – развела руками официантка. – Потом ей, видимо, самой стало неловко, и в ресторан их семья стала ходить реже, чаще они заказывали еду в номер. Но, пожалуйста, не думайте, что это значит что-то особенное! За день до исчезновения они все вместе катались, потом – ужинали вот здесь... И вдруг исчезли. Никто не знал!..

Никто не знал, и мне не полагалось свой нос в это совать. Главное для меня – что Рэдж и ее папаша уехали раньше. Мне нужно идти по их следам, а не обсуждать все проблемы мира!

И все же, все же... Часть меня отказывалась верить в совпадения. У меня, если задуматься, не так уж много сведений о том, что здесь произошло, почему Рэдж не вернулась домой, а поехала за своим отцом. Тут ничем пренебрегать нельзя, поэтому я остался на ночь в курортном городке.

Я ведь больше никуда не спешу.

* * *

Узнать, в каком коттедже жила пропавшая семья, было несложно. Полицейское ограждение оттуда убрали, но толку от этого не было. Судя по тому, что мне удалось выяснить, даже уборщицы отказывались туда входить. Плюс никто пока не забрал вещи пропавших, слишком мало времени про-

шло, поэтому домик стоял с опечатанной дверью.

Но там не только в печати дело, даже лужайку перед домом постояльцы обходили по большому кругу. Хочешь ты знать про исчезновение, не хочешь – без разницы, все равно добрые люди сообщат. И байку в придачу выдадут. Про то, что кто в домик войдет – тот умрет в страшных муках, ну, или сам исчезнет.

Не могу сказать, что я в это поверил, но я при любом раскладе уже не боялся ни исчезнуть, ни умереть. Не рвался к этому, просто... В какой-то момент я обнаружил, что собственная кончина перестала быть событием, заслуживающим такого уж большого внимания. Тогда мне не придется возвращаться в ту квартиру, где все еще живет призрак Рэдж, – всюду преимущества!

Безразличие к собственной судьбе не означало, что я собирался действовать безрассудно. При свете дня я к опечатанному коттеджу не совался, я просто наблюдал за ним. Не могу сказать, что рядом с ним создавалось какое-то особое ощущение... Было неуютно оттого, что его так откровенно игнорировала любая жизнь. Везде люди, на снегу – следы, а там – нерасчищенная целина. Но в этом не было ничего мистического или опасного.

Я отправился туда ночью. Курорт не затих окончательно – судя по обилию молодняка, которому плевать на любые загадочные исчезновения, он не затихал никогда. Но вся активность сместилась к центральным зданиям, там вроде клуб

какой-то, а нужный мне дом располагался на окраине.

К главной двери я не пошел. Не из страха перед печатью, просто не хотелось бы, чтобы о моем ночном визите утром сообщали четкие следы или нечеткая попытка их замести. Я обогнул дом и пробрался к задней двери, которой полиция, похоже, вообще не пользовалась. Там следы тоже оставались, их просто было куда проще скрыть среди сугробов и заносов.

Дверь была заперта, но надежностью не отличалась. Если бы до семьи хотел добраться маньяк, ему хватило бы зубочистки... Неправильно, наверно, так думать о пропавших? Но я их не знал, да и других поводов для скорби в моей жизни теперь хватало. К тому же маньяков тут не было, судя по тому, что мне удалось выведать у персонала, коттедж оставался заперт изнутри, когда семью все-таки пришли искать.

Они не уехали и не боролись, просто исчезли. Четыре человека. Разве эта странность не сопоставима с судьбой Рэдж?

Опытным домушником я не был, поэтому даже не пытался вскрыть замок аккуратно, взломал, да и все. Если кто озадачится проверкой, все равно ведь поймут, что в доме кто-то был. Так пусть считают, что бомж заночевать ввалился!

Внутри было холодно – отопление благоразумно отключили... А может, и не благоразумно, если учитывать, что в ближайшее время тут порядок не наведут. Холод и темнота усиливали гнетущее впечатление от дома, а задавали его, безусловно, покинутые вещи. Они создавали иллюзию присутствия: вот на диване валяется байка, которую явно кто-то

собирался подхватить на ходу, вон стакан с засохшим соком, в кресле лежит книга с закладкой на середине... Обычные следы обычной жизни.

И это важно, что обычной. Похоже, меня не обманули, пропавшая семья оставалась спокойна до последнего. Не знаю, как там обстояли дела у детей, а взрослые точно не собирались хватать потомство в руки и бежать. Куда они могли исчезнуть, как?

Я даже не представлял, что могу здесь найти, особенно такого, что еще не нашла полиция. Я просто включил на телефоне фонарик и одну за другой обходил опустевшие комнаты. Все-таки чувствовалось, что это, по сути, гостиничный номер, а не жилой дом: тут не было ни фотографий, ни указаний на то, чем жили обитатели. Оно и к лучшему, мне не хотелось так уж много знать о них. Быть может, уже завтра где-нибудь далеко отсюда найдут их едва узнаваемые останки, как это случилось с Рэдж?..

Образ старухи снова стоял перед глазами, и, чтобы отвлечься, я сосредоточился на поиске, на мельчайших деталях, раз уж очевидных тут не было. Долгое время это не приносило никакого результата, что вполне логично. Я уже все обошел, вернулся на первый этаж и собирался уходить, когда одна странность мне все-таки подвернулась.

Нельзя сказать, что эту мелочь упустили полицейские. Когда они прибыли сюда, в доме еще было чисто. Но с тех пор никто в коттедже не убирал, и грязь, которую они нанесли,

высохла и смешалась с пылью. Именно благодаря ей стали очевидны полосы на полу.

Изначально эти полосы были всего лишь щелями между досками – натуральное старое дерево, не какая-то там имитация! Но в нормальных условиях они должны были забиться этой самой пылью и слиться в единое полотно. Однако здесь щели оставались глубокими и чистыми, да еще песок от них отступал, как будто...

Как будто из них шел ветер, и неслабый такой сквозняк, иначе пыль бы не раздуло. Все еще не веря себе, я стянул с руки перчатку и поднес пальцы к полу. Ну так и есть, подтвердились мои догадки – из щелей очевидно дуло морозным зимним ветром.

А так быть не должно. Коттеджи на курорте все одинаковые, по одному проекту построенные. Тот, в котором я живу, ничем не отличается от этого, и я знаю, что у него есть подвал. Причем с хорошим ремонтом, там бильярдная и сауна, оттуда не может вот так дуть.

Адекватный человек на моем месте испугался бы и отступил. Я же направился в подвал.

Воображение уже рисовало там груды снега, проникшего через дыру в стене, или гигантскую морозильную камеру – непременно с обледеневшими трупами той самой семьи. Но, открыв дверь, я увидел... бильярдную и больше ничего. Чистую, если не считать следы полицейского обыска, и снега напрочь лишённую. Потолок над ней был абсолютно цел –

без единой щели. Я на всякий случай осмотрел и сауну, но с тем же результатом.

Что получается в сухом остатке? Да ничего толкового. В подвале было даже теплее, чем наверху. Отсюда не могло так дуть!

Тут мне бы наконец испугаться, а страха так и не было. Появился лишь необъяснимый, может даже неразумный, азарт – мне хотелось знать наверняка!

Я вернулся наверх и взял металлическую пику, висевшую у камина. О шуме можно было не беспокоиться, коттедж далеко сам по себе, да и в соседних вроде никто не поселился. Так что первую попавшуюся доску из пола я вывернул без сомнений, быстро, шумно. А под ней...

Под ней не было ничего. Но в этом и прикол. Под ней, вообще-то, много что должно быть! От проводов теплого пола, который тут повсюду установлен, до утеплителя и прочих строительных прелестей. Вот это пространство между этажами – оно никогда полым не бывает, смысла нет.

Но тут все было иначе. Первый этаж от подвала, по большому счету, отделяла теперь пустая коробка, и люди, бродившие здесь при обыске, не провалились вниз лишь потому, что пол был сделан из крепких досок. Сквозняк пер оттуда, а это значит, что загадочная пустота хотя бы отчасти выходила на улицу.

Я не представлял, как это могло быть сделано, пока не додумался перевернуть выломанную доску. С внешней сторо-

ны она была гладкой, хорошо отполированной, покрытой дорожной краской. А вот с другой – исчерченной хаотичным узором глубоких царапин. Их было так много, что от этой бугристой сети аж в глазах рябило. Я с подобным никогда не сталкивался и не сразу понял, на что смотрю. Но каждая из царапин сама по себе была знакома, и до меня все-таки дошло...

Крысы. Именно так крысы прогрызаются через преграды на своем пути... Но они-то просто лаз создают! А то, что я видел перед собой, было за гранью любых законов природы. Откуда здесь столько крыс? Зачем им выгрызать вообще все под полом? Они ж предсказуемые создания – им хочется сожрать что-нибудь и не быть сожранными. Не представляю сценарий, при котором они методично выгрызали бы пол под целым этажом!

Но здесь это произошло, и вопрос в другом: как могла пропавшая семья ничего не слышать? Тут одна крыса когда в дом прогрызается – узнаешь! А чтобы столько, да цельное дерево грызли... Грохот должен был стоять тот еще, и не один день.

Такое можно упустить, только если это произошло до приезда семьи. Но я не думаю, что домик в сезон пустовал, да и потом... Долго бы эти доски продержались с пустотой под ними? Выдержали бы четырех человек? Ну нет же, должны были хоть где-то дать слабинку и проломиться!

И что из этого следует? А вообще ничего, помимо много-

численных «невозможно». Через этот провал не могли утащить семью из четырех человек, ну никак, и Рэдж тут ни при чем... На что я вообще трачу время?

Но раз уж влез, нужно разбираться до конца, во всем. Поэтому я подошел к ближайшей стене и осторожно постучал по ней. Звук получился неправильно гулкий, однако это меня как раз не удивило, только не после всего, что я уже видел. Я размахнулся и почти без усилий пробил в стене дыру той самой каминной пикой.

Сквозь дыру просматривалась уже новая пустота, выдававшая, что стена тоже подверглась нашествию грызунов. Можно было изумляться, ничему не верить, крошить здание по всему периметру... А я не стал. Мне не нужно никому ничего доказывать, я пришел, чтобы получить знания.

И я узнал, что крысы опустошили весь этот дом, выгрызли, превратили в скорлупу, обреченную на скорое разрушение. Сделали это, а потом исчезли, совсем как четыре неизвестных мне человека.

* * *

Мое вторжение в опечатанный коттедж к утру так и не обнаружили, а значит, моей игре в варвара и разрушителя предстояло остаться безнаказанной. Угрызений совести я не чувствовал – да я им услугу оказал! Без этих подсказок они бы просто почистили здание, а потом кто-нибудь пострадал

бы. Теперь же им придется обратить внимание на то, что дом на ладан дышит, и решить проблему с крысами...

Хотя проблема как раз непонятная. Если уж крысы заводятся, да еще в таком количестве, остаться незамеченными им очень непросто. То одна мелькнет в ресторане, то другая доведет до визга какую-нибудь впечатлительную даму, то третья сувенир в виде помета подкиннет... Здесь ничего подобного не было. Да я специально по своему коттеджу чуть ли не на пузе прополз, за каждый плинтус заглянул! Но следов крыс не было, как не было и самих крыс. Чертовщина какая-то...

Мне только и оставалось, что отказаться от слов «не может быть». Я тут хоть сто раз это повторю, и что, что-нибудь изменится? Эти крысы, хоть разумные, хоть безумные, не моя проблема. Моя проблема – Арсений Батрак. Тот, с кого все и началось...

Вот только я понятия не имел, куда он делся. Я убеждал следователей, занявшихся делом Рэдж, что его нужно найти, и они вроде как согласились, но занялись они этим или нет – не знаю. В любом случае мне бы они ничего не сказали, нужно было крутиться самому.

Так что на следующее утро я оккупировал здание администрации и расспрашивал любого, кому не посчастливилось попасться мне на глаза с бейджем, о странном постояльце в куртке с высоким воротником. На мою удачу, Батрак был существом примечательным и многим запомнился.

Правда, толку от этого было не больше, чем от погрызенной крысами доски. Если этот тип ни с кем не здоровался, откуда им знать следующую точку его маршрута? Я уж было отчаялся, когда неожиданно полезным оказался дворник, чистивший парковку от снега.

– Не знаю, куда он дальше намылился, но знаю, куда точно заехал.

– И куда? – оживился я, чувствуя себя ищейкой, перед которой наконец замаячил след.

– В город ближайший.

– Зачем ему туда?

– Так он же не на такси и не на автобусе прибыл, – пояснил дворник. – Машина у него была – арендованная, я на наклейки этого салона посмотрелся, тут половина народа на таких приезжает! Не думаю, что этот сыч и дальше кататься бы на той тачке поехал, их далеко увозить не позволяют.

А вот это уже что-то! Салон проката – это не только новые свидетели, но и паспортные данные Батрака, включая прописку. Здесь они тоже есть, но я не доберусь, девочки-администраторы дежурят днем и ночью, они мне горло за одну попытку перегрызут. А в салонах проката, как показывает опыт, работают люди куда менее ответственные, договоримся.

На этот раз я не стал связываться с такси, не хотелось ждать, да и автобус уже подошел. Салон был заполнен лишь на треть, так что у меня получилось отстраниться от моих

временных спутников и поверить, что существуем только я и горы.

Ну и Рэдж, конечно. Где горы – там мысли о Рэдж, всегда так было. Я-то думал, что ее первое приглашение было шуткой, что, если я попытаюсь поймать ее на слове, она сдуется и начнет смущенно отказываться. Ага, десять раз!

Она летала на сноуборде даже лучше, чем я. По крайней мере, мне так казалось. Вспорхнула – и все, ветер ее держит, ветер ей подчиняется, а она будто и не прилагает для этого никаких усилий. Она умела растворяться в моменте, чем бы она ни занималась...

Поэтому теперь я смотрел на окружавшие дорогу склоны и будто видел там Рэдж, свободную, парящую. Я до сих пор не научился думать о ней в прошедшем времени. Я ведь не видел ее мертвой! Видел только то тело, которое вроде как и не принадлежало ей... Казалось, что всем этим – поездками, поисками – я занимаюсь просто так. Задание такое. С Рэдж это совершенно не связано, она будет ждать меня дома, когда я вернусь.

Я понятия не имел, что буду делать в миг, когда мне придется проснуться.

Автобус докатил меня до ближайшего городка – небольшого, но казавшегося мегаполисом после курортной деревни. Если есть многоэтажные дома – все, уже цивилизация! Правда, горы остались удручающе далеко, но при должном желании их еще можно было увидеть.

Тогда я и подумал: а водятся ли крысы в горах? Пожалуй, могут водиться, но они уж точно не рвутся путешествовать сквозь снега. Если они добрались до коттеджей, они бы не ушли, ведь правда?

Снова я об этих крысах!.. А нужно думать только об одной большой крысе, напрочь лишенной отцовского инстинкта.

Я заселился в первую попавшуюся гостиницу и без труда выяснил адрес нужного мне салона проката. Не то чтобы он был тут один, просто только один специализировался на поездках в горы, собрав соответствующий парк автомобилей. Я не стал задерживаться, сразу же направился туда. Тем более что гостиница, унылое продолговатое здание в три этажа, к приятному отдыху не располагала.

В горах было солнечно, а вот над городом нависли тучи, тяжелые и бестолковые. Снега в них не было, один только холод и мрак. Как будто сама природа намекала мне, что я свернул не туда, нужно бы остановиться, валить отсюда... Но я упрямый и в намеках не силен.

По пути я прикидывал, как лучше провести этот разговор. Описывать здесь внешность Батрака не было смысла, вряд ли он задержался надолго, в таких местах на лица клиентов не очень-то смотрят, а вот документы помнят. Так что я решил попробовать новый подход.

Как я и ожидал, салон проката был далеко не элитным. Офис располагался на втором этаже мастерской и смотрелся куда дешевле машин, собранных перед ним. Здесь не тра-

тили лишние деньги на менеджеров, документами занимались те же, кто осматривал и чинил автомобили. Пара девочек-секретарш, а кроме них – в основном мужики лет по сорок.

Я выбрал того, который был одет попримечнее и не успел изгваздаться в машинном масле. Это верный признак начальства в таких местах.

– Я ищу Арсения Борисовича Батрака, – заявил я. – Мне сообщили, что он был вашим клиентом.

И еще до того, как мне ответили, я понял, что правильно сделал, упомянув имя.

В автомастерских и салонах проката к клиентам относятся по большей части нейтрально. Клиент по умолчанию – это дойная корова, из которой нужно вытрясти побольше денег, ничего личного. Однако бывают и исключения. Кто-то окажется настолько милым, что ему праздничную скидку выдадут – это в основном для дам. А кто-то так всех достанет, что при следующем визите его будут встречать факелами и вилами.

Батрак определенно был из второй категории. Стоило мне только упомянуть его имя, и у здешнего начальника тут же глазки кровью-то налились, желваки заиграли, вряд ли он всех вспоминает так быстро и с такой реакцией.

Получается, дед отличился, и любопытно мне чем.

Но откровенничать со мной этот чувак не спешил, он благоразумно поинтересовался:

– А этот Батрак вам кто, друг?

– При таких друзьях враги не нужны, – усмехнулся я. – Нет, он мне не друг. Он у меня денег в долг взял, немалую сумму, а потом еще расписку умыкнул. Так что в полицию я пойти не могу, а на то, чтоб нанять коллекторов, у меня бабла уже не хватит, приходится самому.

Взгляд моего собеседника мгновенно потеплел, да оно и понятно – ничто так не сближает, как общая неприязнь.

– Я не удивлен, – кивнул он. – Этот тип мне сразу показался каким-то... Скользким!

– Так, значит, он был здесь?

– Был, конечно, и не так давно, всего пару дней как машину отдал.

А вот это уже любопытно... Батрак вернул машину позже, чем я ожидал, уже после исчезновения Рэдж. Где он катался? Явно же где-то в окрестностях!

К тому же он пользовался своим настоящим именем. Это вроде как должно было оправдывать его: честный человек, имя не менял и машину вот вернул. Но мне такая самоуверенность почему-то показалась частью сложной игры.

Или я просто был настроен против человека, который сломал мою жизнь. Это тоже вариант.

– Ну а вам он что сделал? – сочувствующе осведомился я. – Тоже без денег оставил?

– Нет, заплатил он честно... Да я вообще долго не мог сказать, что с ним не так! Пришел, все оформил, документы

показал, залог внес... Потом – расплатился и машину отдал. Вот только... Рядом с ним беспокойно как-то. Я уж даже себя нежной барышней ощутил, которая тени своей пугается, но тут оказалось, что и у мастеров в гараже та же реакция была, когда он за машиной пришел! Нельзя ж прогонять человека, который выбрал самую дорогую машину, потому что рядом с ним нервно, так? В конце концов, что мне до его странностей? Мне с ним общаться – полчаса от силы! Я его не прогнал... Уж лучше бы прогнал тогда! Вот таким уроком жизнь научила интуиции верить.

– Не уверен, что понимаю... Если он заплатил и вернул машину, что не так?

– Что не так? О, тут не сказать, что не так! Тут показывать надо! Потому что сначала никакого «не так» не было, а потом... Я уж лучше покажу!

Он ломанул к лестнице, ведущей вниз, в гараж, даже не убедившись, что я иду за ним. Хотя я послушно шел, я ведь для того и явился сюда.

Скоро мы оказались на крытой части парковки. Я видел ее, когда поднимался сюда, стандартная картина для любого салона проката. Но начальник повел меня не к машинам, предназначенным для клиентов. Он спешно прошлепал в дальнюю часть парковки, стыдливо прикрытую грудями металлолома, и это уже показатель, когда мусором что-то маскируют для благовидности!

В темном углу стоял серебристый «Ниссан-Террано», а

точнее, то, что от него осталось. Нет, машину никто не разобрал, она не была в аварии, корпус остался целым. Она попросту гнила во власти времени. Автомобиль выглядел так, будто провел на свалке лет двадцать: всюду ржавчина, краска хлопьями слетает, в салоне сквозь мутные окна просматривается какая-то потусторонняя зеленая плесень, вьющаяся облаками. Она даже выросла на фары изнутри, забила их кривыми комками чего-то серого, я такого в жизни не видел!

– Из какой задницы его достали? – не выдержал я.

Начальник салона издал горестный вой, словно он был матерью, на глазах у которой сожрали любимое дитя.

– Год! – простонал он. – Год машине! В прошлом году только закупили! Еще и четверть своей цены не вернула! А теперь что? Уже и на металлолом не сдашь, потому что, если это кто увидит, нас по санстанциям затаскают!

– Я не понимаю... Если он вернул машину в таком состоянии, неужели нельзя было содрать с него какой-нибудь штраф? В вашем договоре это не предусмотрено?

В ответ я получил еще один вопль – похоже, у него их целая коллекция, на все случаи жизни. Но после не слишком музыкального исполнения случайного набора звуков начальник салона все-таки удосужился объяснить мне, что произошло.

Батрак вернул авто, причем в отличном состоянии. Поэтому к деду и не возникло вопросов. Когда он расплатился, ему пожали руку, поименовали дорогим Арсением Борисо-

вичем и даже чаю предложили. С бергамотом. Он отказался и от чая, и от бергамота и поспешил свалить.

Почему – стало понятно лишь на следующий день. По правилам салона после каждого клиента машину должны были осмотреть механики, а потом помыть. Ну, это не считая контрольного осмотра при возвращении. Так вот, первую ржавчину обнаружили уже с утра – она проступила на в прошлом идеальных боках автомобиля гнилыми язвами. Начальник устроил скандал с угрозами членовредительства и надругательства выхлопной трубой механику, который принял машину у Батрака.

Механик клялся и божился, что с машиной все было в порядке. Начальник ему не верил. Он горевал о том, что с клиента не содрали штраф, однако трагедии не видел. Он просто велел подчиненным заняться корпусом: зачистить ржавчину, покрасить. Он не думал, что ситуация способна стать серьезнее.

Но машина сделалась безнадежной уже к вечеру того же дня. Никто не видел, как это происходило, да никто и не хотел видеть – от странной машины все старались держаться подальше. Днем позже она поросла плесенью и стала совершенно бесполезна. Механикам только и оставалось, что откатить ее сюда, причем вручную, садиться за руль никто не отважился. Что делать с этой дрянью – они до сих пор не понимали.

И вдруг явился я и завел речь о Батраке. Понятно, что у

начальника глаз чуть ли не с отдачей в копчик задержался!

Пока он рассказывал о печальной судьбе машины, я вспоминал дом, сожранный крысами. И здесь, и там проявило себя бессмысленное, необъяснимое разрушение. Невозможное, не выгодное никому, но все равно существующее. Общим знаменателем для него служил всего один человек...

Означает ли это, что Батрак связан с исчезновением той семьи? А если так, то он без вариантов связан и с пропажей Рэдж!

Я не мог открыто обвинить его в этом, не мог передать такие данные полиции, меня бы самого отправили в дурку на долгие и не очень счастливые годы. Зато я мог учесть всю эту информацию для будущего разговора с Батраком.

Возможно, Рэдж узнала, что ее отец способен кому-то навредить, заподозрила это... Не зря же она показалась мне грустной при нашем последнем разговоре. Может, она даже что-то увидела? Он бы не пожалел собственную дочь... Для него «дочь» – это просто четыре буквы.

– И вы не попытались его отыскать? – удивился я.

Начальник, только-только проникшийся ко мне симпатией, заметно вздрогнул, словно все его силы ушли на то, чтобы меня не придушить.

– Пытались, конечно! Но телефон, который он дал, отключен. Заявление в полицию мы написали – а толку? Нам сказали, что по своему адресу прописки он не живет, там его знать не знают. Я даже не уверен, что это его настоящее имя!

– Имя настоящее. Мы с ним познакомились через человека, который знал его много лет.

– Значит, настоящее... А толку-то с того имени, если за ним ничего не стоит?

В этом я был не уверен. За этим именем как раз скрывается очень многое, понять бы только что!

Но в наглости Батраку не откажешь, конечно. Он не прячет свое лицо, не меняет имя... Почему? Уверен, что его не найдут? Или не боится наказания?

С другой стороны, а за что его наказывать? Я вот понятия не имел, что произошло с этой машиной. Никакой механик не доказал бы, что Батрак виновен в ржавчине и плесени, которые появились, когда его и близко не было. Точно так же, как ни один строитель не докажет, что по его приказу крысы подгрызли дом... Это даже в моих мыслях бредово звучит!

Я на всякий случай переписал все данные, что были у них по Батраку, и откланялся, оставаться здесь больше не хотелось. Уходя, я услышал, как один из механиков обратился к начальнику:

– Шеф, убрали бы вы эту гнилуху отсюда...

– Было б куда, давно бы убрал! А что такое?

– Так а вы что, не заметили? Ну где ж вам заметить, вы все в кабинете сидите!

– Заметил что?

– От нас все коты сбежали... Они к нам на зиму приходят

кормиться и греться, еще в начале недели штук двадцать по территории бегало. А как вы эту дрянь приняли, так исчезли они, как и не было их тут никогда...

* * *

Я ожидал, что первый кошмар в моей новой жизни, опустевшей и изломанной, будет про Рэдж, точнее, про ту старуху в морге. А он был про меня.

Правда, в тот момент я не понял, что это сон. Уже в воспоминаниях было ясно, что я попал в размытый мир, нечеткий, дрожащий, как воздух в сильную жару. Но тогда, в том моменте, все казалось мне реальным... Потому что это и было реальным когда-то.

Главным там стало золото, очень много золота. Золото было в небе – солнце швыряло его на землю щедрыми пригоршнями. Золото было в крыльях стрекоз, мелькавших в воздухе. Золото было в колосьях, поднимавшихся выше моего роста. Я тонул в этом золоте, густом и плавленном, но преклоняться перед его красотой не мог. Я боялся.

Мой страх не был золотым. Страх обрел лик и форму черно-красного чудовища, огромного и рычащего. Нечеткого в этом золотом мире. Приближающегося ко мне неостановимой громадой, с грохотом, рокотом, рыком. От него бежал я и бежали все. Не знаю, кто все, но они тут тоже были. Кричали и бежали. Плакали, совсем как я. Не останавливались,

ведь это означало бы смерть.

Ирония в том, что и бег от смерти не спасал. Она просто не могла получить всех сразу, да и не хотела – зачем ей все? Кого потом пугать, на кого охотиться? Убивать нужно по одному, чтоб одни исчезали, другие – боялись.

В тот день смерть выбрала меня. Обвила за ноги гибким золотом, остановила бег, отдала на растерзание ревущему чудовищу. Я протянул к нему руку, силясь остановить его, оттолкнуть, и увидел, как моя рука разлетается на части. Медленно-медленно, кровавыми брызгами, кусками мышц и осколками костей. То, что было мной, поглощается смертью и принадлежит земле...

Я проснулся на этом моменте. Я всегда на этом моменте просыпаюсь – это привычно. И рука, которой больше нет, болит тупо и сильно, это тоже привычно. Непривычно то, что нет больше Рэдж, которая подхватывалась вместе со мной, не злилась из-за того, что я ее разбудил, старалась сказать что-то, что поможет забыть... Теперь уже ее и не будет.

Этот кошмар всегда пугал меня сильно, но отпускал быстро. Я ведь не боялся его по-настоящему при свете дня! Просто первый в жизни настоящий ужас никогда нас не отпускает, это не только моя беда.

Но и прежнюю власть он с годами теряет. Я после этого кошмара никогда не боялся, больше злился, что по-прежнему ему поддаюсь. И что все это романтизирую! Золотой свет, ревущий монстр... Десять раз! Не так там все было.

Я до сих пор помню, как мать, сопровождавшая меня в больницу, выла белугой и повторяла раз за разом: «Зачем? Ну зачем? Зачем ты?..» А я знаю? Мне было четыре года, в такие моменты мало кто парится самоанализом.

Не было особой причины, по которой я пошел в поле в тот день. Захотелось – и пошел, другие дети тоже пошли. Куда они – туда и я, я был младшим в компании и таскался за ними никому не нужным хвостиком. Они не знали, что в поле будет работать техника. Я вообще слабо представлял, что это такое.

Мы были в поле, когда появился комбайн. Кричали, конечно, но за шумом машины нас никто не слышал. Потом старшие побежали, ну и я за ними, не испуганный по-настоящему, просто повторяющий за ними все.

Но даже повторять можно лишь до определенного предела. Они преодолели сорную траву легко, а я запутался, упал. К тому моменту водитель уже увидел меня и попытался остановиться, у него даже что-то получилось, но... Такую махину не заставишь замереть мгновенно. Я заслонился от смерти правой рукой – и руку мне как раз отсекло.

А что там у четырехлетки той руки? Ее не срезало ровно и красиво, чтоб можно было пришить потом и написать в газетах. Ее размолотило тупым лезвием в фарш, и фарш этот, увы, очень хорошо закрепился в моей памяти.

Но мне, можно сказать, повезло. Я выжил, а могло быть и по-другому. Что же до моей потери... Я прожил с правой

рукой всего четыре года. Я потерял ее до того, как научился писать. Уже в школе я не помнил, каково это – иметь ее. То есть я видел, что другим детям все дается гораздо проще, а две руки – это удобно и приятно. Но я не знал, не помнил, каково обладать этим. Так что моя трагедия перестала быть трагедией, люди ко всему привыкают.

На окружающих мое состояние влияло больше, чем на меня. Они меня преимущественно жалели, сознательно или подсознательно, и только для одной я был полноценным по умолчанию... Что вспоминать об этом?

Чтобы быстрее прийти в себя, я принял душ и собрался на выход. Проводить дни в гостинице я все еще не планировал, равно как и возвращаться домой. Остаток вчерашнего дня я посвятил поискам Батрака, неуклюжим и безрезультативным. Этим же я планировал заняться сегодня, еще не зная как.

От администраторов гостиницы я получил все, что мог, и не собирался обращаться к ним снова. Но они окликнули меня сами – сегодня там дежурили две молоденькие девочки, и одна из них заговорила со мной:

– Простите! Николай Полярин – это же вы?

– Да, – нахмурился я. – А что такое?

Я не представлял, что им может от меня понадобиться, но они ничего и не хотели. Девочка просто протянула мне конверт.

На конверте было написано мое имя – и все. Ни адреса,

ни подписи.

– Что это? – поинтересовался я.

– Это вам оставили.

– Кто?

– Не знаю, нам ночная смена передала... Они сказали, что конверт кто-то принес ночью, а они не хотели вас будить.

Не думаю, что они ввалили мне, эти малолетки действительно ничего не знали. Так что я забрал у них письмо, отошел к окну и там вскрыл конверт.

В конверте лежало приглашение – двойная открытка, золотой узор на черном, а внутри – пара строк незнакомым почерком:

«До меня дошел слух, что Вы усердно меня разыскиваете. Не теряйте время, я помогу Вам. Как иначе, ведь мы – родня! Ниже – адрес, по которому я предлагаю встретиться сегодня в полдень. Ваш А. Б.»

* * *

Я такого не ожидал. Мне казалось – уж не знаю почему, – что наше противостояние будет долгим. Я буду преследовать его, он – ускользать, а когда мы все-таки встретимся, произойдет нечто... особенное. Завершающее все странности в этой истории, и все наконец станет на свои места.

Рэджд всегда говорила, что я смотрю слишком много фильмов по комиксам, особенно для того, кто старше тридцати.

Но дело ведь даже не в этом... Слишком много странностей уже выстроилось передо мной. Необъяснимая участь Рэдж, в которую я по-прежнему не мог до конца поверить, исчезновение семьи, погрызенный крысами дом, уничтоженная машина... На фоне всего этого Арсений Батрак, пропадавший неизвестно где девятнадцать лет, определенно представлял главным монстром. Злодеем, который способен только уничтожать и бежит от расправы... И он уж точно не присылает приглашения в отель!

Однако Батрак напомнил мне, что я заигрался. Да, произошло нечто невозможное, но разбираться в этом будет полиция. А я... я уже проиграл, упустил свой единственный шанс что-то изменить, когда не поехал с Рэдж. Все мои нынешние потуги хоть в чем-то разобраться – это так, беготня муравья вокруг сгоревшего муравейника.

Наверняка всему, что шокирует меня сейчас, есть объяснение, никак не связанное с Арсением Батраком. Он – просто человек, и я – просто человек, конец игры.

Но на встречу я все равно пошел. Даже если он ни в чем не виноват, вопросов у меня к нему скопилось немало. Он все-таки бросил Рэдж, как ни крути, и вот это уже не исправить.

Он назначил мне встречу в роскошном ресторане – пожалуй, единственном таком на весь городок, несколько мрачном из-за тяжелых портьер на окнах и бордовых тонов интерьера. Это заведение, предназначенное непонятно для кого, в двенадцать только открывалось, и мы оказались тут един-

ственными посетителями. Судя по ошалелым взглядам официанток, жизнь их к такому не готовила, раньше вечера никто обычно не припирался. Интересно, на кухне хоть повар есть или девочкам придется справляться своими силами?

А может, дело было не во времени, а в нас. Мы с Батраком представляли любопытное зрелище каждый сам по себе, дуэтом – тем более.

Я знал, что ему около семидесяти, несложно было подсчитать. Но на семьдесят он не выглядел, лет на пятьдесят пять – шестьдесят максимум. Да и внешность у него была несколько нездешняя, благородная, из другой эпохи: худой, аристократично бледный, с тонкими чертами лица и тронутыми сединой темными волосами. Правда, полностью лицо я разглядеть не мог, он замотался кашемировым шарфом чуть ли не до самого своего орлиного носа, так что нельзя исключать, что этого патриция портили складки трех подбородков, но... в этом я сильно сомневался.

Батрак носил костюм из дорогой серой шерсти, золотые запонки и золотую же булавку для галстука... короче, понтовался и на себе не экономил. В гардеробе висело единственное пепельное пальто, и несложно было догадаться, чье оно. Пальто по цене могло сравниться с подержанным авто.

Я же прибыл на встречу в джинсах и байке. Не потому, что не могу себе костюм позволить, а потому, что не собираюсь вырядаться для разговора с человеком, которому хочу в морду дать. При этом я не стал надевать на протез спе-

циальную силиконовую перчатку, и официантки уже успели рассмотреть, что я малость киборг.

Так что да, мы были примечательной парой.

Когда я пришел, Батраку уже подали кофе. При этом я не опоздал, следовательно, его пустили раньше, дверь ему специально открыли... Хотя не думаю, что юные официанты решились бы спорить с таким типом. Он не из тех, кто требует чего-то со скандалом. Он приказывает – и ему подчиняются. Ну и да, правы были те, кто говорил, что рядом с ним неуютно, а почему – непонятно. Вроде он должен быть симпатичен, все правила для этого соблюдены, и все же рядом с ним даже мне не по себе – сквозь любую агрессию и горечь.

– Здравствуйте, Николай, – кивнул мне он. – Благодарю, что пришли вовремя. У меня не так много времени.

Сливки и кофе ему принесли отдельно, так что теперь он не смотрел на меня, а совершал свой маленький ритуал. Выбирал осколки карамельного сахара, размешивал их в фарфоровой чашке так, что ложечка ни разу не коснулась ее боков, потом медленно, по кругу, вливал сливки, и они чертили на черно-коричневой поверхности кофе акварельный белый узор. У Батрака были длинные пальцы, тонкие и узловатые, пальцы пианиста или хирурга, но уж никак не того, кто по-тащится кататься на горных лыжах в такие холода. Тут, как за собой ни следи, мороз свое дело сделает!

Впрочем, я и не предполагал всерьез, что он там катался. Он там просто... жил, а потом исчезли люди.

– Как вы узнали, что я ищу вас? – холодно осведомился я.

Это все, что мне давалось в беседе с ним, – холод. Хотелось хамить, да не получалось, и дело тут не в моей вежливости. Просто в общении с ним иначе было нельзя... почему-то.

– Я узнаю все, что мне нужно, а это очень маленький городок, – пояснил Батрак.

Глаза у него были серые и как будто пыльные. Я искал сходство между ним и Рэджем, но не находил... Это было к лучшему.

– Я не единственный, кто вас ищет, – напомнил я. – Но не со всеми вы спешите встретиться.

– Я встречаюсь только с теми, кто может извлечь из этого пользу. Претензии господ из салона проката мне известны, полиция уже все мне сообщила. Но поскольку к претензиям этим я не имею отношения, встречаться лично я ни с кем не собираюсь, а подобные жалобы нахожу смешными.

Значит, полиция все-таки разыскала его? И ничего не сказала начальнику салона? Как странно... Или нет. Судя по всему, с деньгами у Батрака проблем нет, он вполне мог откупиться от полиции и не тратить время на ненужные разборки.

– Так чем я могу быть вам полезен? – поинтересовался он.

– Как будто вы не знаете...

– Догадываюсь. Но ситуация во всех отношениях деликатная, и я считаю, что намеки здесь неуместны.

– Тогда вот прямой вопрос: о чем вы говорили с моей женой?

– Не с вашей женой, а с моей дочерью. Об этом и говорили.

– И теперь она мертва!

Я не сводил с него глаз, мне нужно было понять, как он отреагирует на такую новость. Если он не удивится, это еще не будет доказательством его вины, но конкретно так повысит шансы, что он к чему-то причастен.

Батрак не отреагировал вообще. Не потому что он не знал или знал, ему просто было пофиг. Весть о смерти своей дочери он воспринял так же спокойно, как курс валют за вчерашний день.

– Очень жаль, – только и сказал он, хотя даже debil догадался бы, что ему не жаль, это просто стандартная фраза для такой ситуации. – Как это случилось?

– Никто еще не знает... Она отправилась на встречу с вами, потом пропала, а через три дня обнаружили ее тело... изуродованное!

Не хотелось повышать голос, а иначе не получилось. Официантки нервно косились в нашу сторону, однако к столику не приближались. И только Батрак наблюдал за мной холодными глазами рептилии, пожирающей своих детей, если ничего лучше не подвернулось.

– Понятно.

– Что вам понятно? – поразился я.

– Понятно, в чем вы попытаетесь меня обвинить. Регина отправилась на встречу со мной – и пропала. Разве это не чудовищно? Разве я могу быть не причастен к этому? А я могу, потому что я не причастен. Когда умирает молодая женщина, неизбежно ищут виноватых, время-то не обвинишь!

Молодая женщина... В памяти снова мелькнул образ несчастной, замученной старухи, усиливший мой гнев.

– Почему я должен верить в это?

– Да хотя бы потому, что я сейчас разговариваю с вами, – пожал плечами Батрак. – Это исключительно жест доброй воли. И с полицией поговорю, если ко мне обратятся. Мне нечего скрывать! Да, я отдыхал на курорте, где меня нашла Регина. Я не звал ее туда, но не отказался встретиться с ней, как встречался в ее детстве.

– Что же вы делали на горнолыжном курорте? – язвительно поинтересовался я. – Что предпочитаете, тюбинг или санки?

– Воздух. Легкие – моя беда всю жизнь, а горный воздух меня лечит. У меня были дела в этом регионе, а после я позволил себе отдых в горах, потому что такая возможность подворачивается мне не так уж часто.

– Допустим... Ну и как прошла ваша встреча с Рэджем?

– Посредственно и, полагаю, совсем не так, как ожидала Регина. К моему большому сожалению, наши с ней отношения никогда не складывались по классической модели «отец – дочь». Я всегда подозревал, что не способен на любовь к

детям, поэтому и не завел семью. Я предупреждал об этом Ольгу, мать Регины, и она поняла меня. Она сразу сказала, что рождает для себя, и это не было ложью. Она не пыталась навязать мне ни себя, ни этого ребенка, я всегда уважал ее за честность.

– Но все же вы приходили к Регине сами?

– Некоторое время – да, когда мне стало интересно, что я почувствую. Возможно, я ошибся в себе и вся эта история с семьей мне нужна? Но я быстро разобрался, что это лишнее. Тогда я прекратил наши встречи. Беда в том, что к тому моменту я приучил Регину к себе, и она стала требовать новых встреч.

Желание двинуть ему крепло. Просто встать и двинуть, со всей дури, чтоб чуть подправить эту самовлюбленную рожу... Но я напоминал себе, что так нельзя. Батрак не сказал и не сделал ничего преступного, и даже если он моральный урод, по закону это не карается. Он был честен с Рэдж и ее матерью от начала до конца, ну а то, что он на любовь не способен... это даже не его беда.

– А потом вы пропали, – напомнил я.

– С точки зрения некоторых моих знакомых – да, пропал. Но сам-то я в любой момент времени знал, где нахожусь.

– И где же?

– Я был в Азии. Во время очередной экспедиции мы с коллегами оказались на территории, принадлежащей государству не дружественному и не слишком развитому. Охранни-

ков, сопровождавших нас, убили, но ученых не тронули, и я много лет работал на правительство этой страны как историк.

– За девятнадцать лет вы никому не сообщили об этом?

– Я был там не девятнадцать лет, а меньше, потом я уехал.

И кому я должен сообщать? Я ни перед кем не держу ответ.

Снова эта ледяная, безжалостная честность. Он наверняка мог позвонить Рэдж, и не раз, даже если его во дворце султана заперли! Ему просто было плевать на всех. Вести исследования там ему оказалось так же удобно, как в России или Европе. А если так, что ему до чужого беспокойства?

Он жил там, пока было удобно, и уехал, когда это стало удобнее. То, что для Рэдж он за эти годы превратился в личного белого кита, его не волновало.

Даже мне было тяжело все это принять. Не хотелось даже представлять, что чувствовала Рэдж, которой после девятнадцати лет разлуки, тоски и надежды пришлось смотреть на эту равнодушную рожу!

А ведь я предупреждал ее... Почему она меня не послушала? Почему не осталась дома?

– Я объяснил Регине то же самое, – продолжил Батрак. – К моему большому сожалению, она восприняла это тяжело. Эмоциональностью она пошла в мать.

– Подозреваю, вы не пытались смягчить для нее удар.

– Да, сказал как есть. Кому от этого лучше? Я никогда не смог бы дать ей то, что ей нужно. Мне кажется, что честнее

всего было сказать ей об этом и не дарить ложных надежд.

Ирония в том, что и я бы этого хотел в иных обстоятельствах. Чтобы Батрак раз и навсегда объяснил Рэдж, кто он такой на самом деле, чтобы она перестала верить... Но я не хотел терять ее!

– Чем же закончилась ваша встреча? – спросил я.

– Увы, слезами. Я надеялся, что Регина воспримет это лучше, хотя предполагал и такой вариант. Она покинула меня, и я был уверен, что на этом вопрос закрыт.

– Где вы с ней говорили?

– В моем номере. Выбор сделал не я, Регина дождалась меня у двери, хотя я заметил ее уже в ресторане. Думаю, она и сама понимала, что может расплакаться или повысить голос, ей не хотелось делать это в общественном месте. Очень верное решение.

А вот я думаю, Рэдж вообще надеялась, что все пройдет не так. Она встретилась с ним наедине, чтобы у нее была возможность обнять родного отца без оглядки на толпу... Опять же, бессмысленно думать об этом теперь.

– То была единственная ваша встреча? – уточнил я.

Я надеялся поймать его на лжи. Сам не знаю почему. Батрак вообще был не обязан разговаривать со мной и уж тем более сообщать такие подробности, как годы, проведенные в плену. То, что он все-таки сделал это, показывало, что он хотел спасти меня от изматывающей неопределенности, а это уже поведение нормального мужика.

Но если бы я поймал его на лжи, у меня получилось бы снова вписать его в цепочку странностей, которые я обнаружил, и я не сдавался. Батрак мне задачу не упрощал:

– Я думал, что она будет единственной. К сожалению, Регина по какой-то причине меня переоценила и решила дать мне еще один шанс. Возможно, она предпочла бы повторить разговор на территории курорта, но у меня был запланирован отъезд, и мы с ней разминулись. Она нашла меня в этом городе.

– Как?

– Я не спросил у нее, я не столь любопытен. Но рискну предположить, что по прокатному автомобилю – тогда я его еще не вернул.

Елки... еще одна деталь в его рассказе сошлась! Ничего подозрительного...

– Почему вы машину сразу не вернули?

Я ожидал, что хоть теперь-то он скажет, что это не мое дело, потому что это действительно было не мое дело. Однако Арсений Батрак был невозмутим, как скала.

– Изначально автомобиль показался мне очень хорошим. Но под конец использования двигатель начал подводить – думаю, это был предвестник тех загадочных поломок, которые позже приписали мне. Я, кстати, сообщил о них механику, однако был проигнорирован, потому что молодой человек не нашел на машине внешних повреждений.

– Как прошел второй разговор?

– Нервно. Хуже, чем первый. Регина уже была на взводе из-за того, что я не оправдал ее ожидания. Да и я был несколько обескуражен ее настойчивостью. Разговор в какой-то момент пошел на повышенных тонах... Но не более того. Мы встречались в этом самом ресторане, мне так удобней. Так что если вам нужны свидетели, здесь вы их найдете. Они подтвердят, что мы с Региной разошлись пусть и в конфликте, но по доброй воле, и никто никого не преследовал. Я был убежден, что она отправится домой. Еще во время первого разговора она рассказала мне, что замужем, упомянула вас. Я увидел, что у нее есть жизнь, и мне не хотелось занимать в этой жизни место, которое для меня было бы лишним. Я действительно не знаю, что произошло с ней дальше.

– Как-то очень много трагических совпадений на вашем пути... – сказал я, хотя уже и сам себе не верил.

– Вы об исчезновении семьи на курорте? Я видел это в новостях. Но почему вы решили, что это связано со мной? Вот я сижу перед вами – разве способен я похитить четырех человек? Или убить молодую женщину без единой на то причины?

Допустим, Рэдж он убить смог бы... но не смог бы сделать все то, о чем говорил судмедэксперт. Да и потом, при всей моей неприязни к Батраку, я чувствовал, что он не врет мне: он не убивал мою жену.

– Вы – единственный общий знаменатель в этой истории, – указал я.

– Неверно.

– Разве?

– Общий знаменатель – это курорт, если уж искать общий знаменатель, – пояснил Батрак. – Там пропала семья. Там, вероятнее всего, сломалась машина, которую я арендовал. И Регина тоже была там.

– Но она оттуда уехала!

– А вдруг вернулась? Если она после нашего расставания направилась не к вам, то куда? Возможно ли, что туда?

Как бы мне ни хотелось спорить с ним, я вынужден был признать, что это возможно. Тот горный курорт вполне мог понравиться Рэдж. Она захотела отдохнуть там после ссоры с отцом, может, подманить меня, надеясь, что я сменю гнев на милость, узнав, что Батрак теперь в прошлом.

И уже там что-то случилось... Возможно, то же, что и с пропавшей семьей. Но папаша ее к этому действительно непричастен, ему-то повезло вовремя уехать!

– Ясно, – я поднялся из-за стола. – Спасибо.

– Николай, я понимаю, что это трудно, но попытайтесь смириться и жить дальше.

– Понимаете? Вам-то трудно не будет!

– Мне не будет, – согласился Батрак. – Для меня это не горе, а для вас – горе. Но вместо того, чтобы назначать виноватых, бросьте свои силы на исцеление, а меня, прошу, забудьте.

* * *

К черту его, на самом-то деле. И к чертовой матери. И вообще, пусть вся родня, что обитает в аду, забирает его себе, потому что здесь он даром никому не нужен. Хотя он и не хочет быть нужным, это видно...

Мне хотелось винить его за то, что он не любил Рэдж. Как ее можно было не любить?! Да и потом, если винить его, не нужно будет винить себя...

Но итог-то от этого не изменится. Мой поиск справедливости завершился вот так быстро и бездарно. Теперь, хочу я этого или нет, нужно научиться жить без Рэдж. Вернусь домой, продам квартиру и... не знаю что. Что-нибудь придумаю.

Уехать я собирался незамедлительно, потому что в этом городе меня больше ничто не держало, а далекая линия гор и вовсе давила, напоминая мне, в чем я ошибся. Но когда я вернулся в гостиницу, оказалось, что стремительного отъезда все-таки не будет.

Нет, новых посланий для меня не оставили, меня никто не разыскивал, скучающие администраторы и вовсе обратили на меня не больше внимания, чем на дохлую муху между оконными рамами. Сюрприз поджидал меня в номере: когда я вошел, там оказалось людно.

Незванные гости не таились, они с уверенностью встреча-

ли меня у входа. Это было настолько нагло, что я не просто прифигел, я решил, что это не мой номер. Но номер оказался мой, а на здешних горничных они не тянули.

Компашка была, мягко говоря, сомнительная. Единственное кресло занял спортивный мужчина лет сорока, стриженный коротко, по-военному. Лицо было грубым, по выразительности конкурирующим разве что с кирпичом, да еще и изуродованным кривым шрамом на щеке. Болотно-зеленые глаза наблюдали за мной с абсолютным безразличием, словно мой номер вообще выбрали случайно и я как человек принципиального значения не имел.

На подоконник присела женщина, примерно ровесница своего спутника, невысокая, стройная, с красивыми карими глазами и некрасивыми, будто для балласта, тонкими губами – две ниточки, стратегически обозначенные перламутрово-розовой помадой. Женщина приветливо улыбнулась мне, но это не сделало ситуацию с вторжением в мой номер лучше.

Ближе всего к двери стоял какой-то бледный дрыщ. То ли он солнца год не видел, то ли от страха побледнел, не поймешь, но на его светлой коже особенно неприятно смотрелась неровная поросль щетины на лице и шее. Сомневаюсь, что это была модная ныне борода, скорее у парня не нашлось времени за собой следить или он просто забил на это дело. В компании незваных гостей он оказался самым молодым – лет на десять младше своих спутников. Он и обратился ко

мне первым:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.